

ПРИЛОЖЕНИЕ

К ЕЖЕМЕСЯЧНОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ

Х•О•З•Я•Й•С•Т•В•О

ХЗПРАВО

Учредители –

Министерство юстиции Российской Федерации

и Некоммерческое партнерство Журнал «Хозяйство и право»

Издается с июля 1999 года

ПРИЛОЖЕНИЕ к № 9 • сентябрь • 2016

М. РОЖКОВА, М. ГЛАЗКОВА

**КОММЕНТАРИЙ К ОБЗОРУ ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ
СУДАМИ ДЕЛ ПО СПОРАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ,
ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ**
(утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 года)
(часть II)

Подписано к печати 22.08.2016
Формат 70x108/16
Заказ № 382

Адрес редакции:
115446, Москва, Коломенский проезд, д. 14
Тел./факс: +7(495)225-83-05(06)

hozpravo@sovintel.ru
<http://www.hozpravo.ru>

Отпечатано в ОАО «Ин-октаво»
105082, Москва, ул. Б. Почтовая, д. 7, корп. 2

© «Хозяйство и право», 2016 ®

**КОММЕНТАРИЙ К ОБЗОРУ ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ
СУДАМИ ДЕЛ ПО СПОРАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ,
ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ**
(утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 года)*
(часть II)

6. При рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо учитывать, что содержащиеся в оспариваемых высказываниях ответчиков оценочные суждения, мнения, убеждения не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 ГК РФ, если только они не носят оскорбительный характер.

Изучение материалов судебной практики показало, что наиболее сложным для судов было разграничение утверждений о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочных суждений, выражающих субъективное мнение и взгляды автора.

Неправильная правовая оценка указанных высказываний, которая приводит к судебным ошибкам, влияет на обеспечение судом баланса между необходимостью восстановления доброго имени истца во мнении третьих лиц или общества и конституционными правами, свободами ответчика, включая свободу мысли и слова, которые он вправе реализовать всеми не запрещенными законом способами.

Так, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, мэр города обратились в суд с иском к депутату Государственной Думы о защите чести, достоинства и деловой репутации. В обоснование заявленного требования указано на распространение ответчиком не соответствующих действительности сведений об истцах в новостных программах, вышедших в эфир на телеканале. Истцы просили суд обязать телекомпанию опровергнуть оспариваемые сведения путем сообщения в эфире о принятом судом решении.

Решением районного суда, оставленным без изменения определением судебной коллегией по гражданским делам городского суда, исковые требования удовлетворены частично, в пользу истцов с ответчика взыскана компенсация морального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления.

---

* Окончание. Начало см.: Приложение к журналу «Хозяйство и право». 2016. № 8.

Как указала Судебная коллегия, принимая решение по делу, суд не установил, являлось ли высказывание ответчика утверждением о фактах либо это высказывание представляло собой выражение его субъективного мнения.

Возражая против удовлетворения исковых требований, ответчик и его представители в судебном заседании ссылались на то, что приведенная истцами цитата не содержит сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь, достоинство и деловую репутацию истцов, поскольку высказывания ответчика являются его мнением как лидера парламентской оппозиционной партии, были сделаны им от имени всей партии, в данных высказываниях в адрес истцов не было выдвинуто никаких обвинений.

Не соглашаясь с доводами ответчика, суд указал, что оспариваемые истцами сведения распространены именно в форме утверждения, доказывающего противозаконную деятельность органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации и мэра города.

Однако суд в нарушение положений статьи 195 ГПК РФ не привел каких-либо правовых доводов, позволявших оспариваемые высказывания ответчика, предварявшиеся словами «считаю, что...», отнести к утверждению о фактах, а не к оценочному суждению (мнению).

Ссылка суда на словарь русского языка С. И. Ожегова, согласно которому мнение – это «суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к кому, чему-нибудь, взгляд на что-нибудь», не опровергает доводы ответчика о том, что высказывание относительно органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации и мэра города – это его мнение.

В силу пункта 1 статьи 152 ГК РФ обязанность доказывать соответствие распространенных сведений действительности лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений.

Несмотря на то что ответчик настаивал на том, что оспариваемое высказывание носит оценочный характер и, следовательно, не может быть проверено на предмет соответствия его действительности, его представителем в подтверждение действительности распространенных сведений были предоставлены суду материалы о привлечении к уголовной ответственности по фактам коррупции руководителей и работников префектур, органов местного самоуправления города.

Суд первой инстанции признал данные материалы недостоверными.

Вместе с тем суд не учел, что рассматриваемое дело представляло собой конфликт между правом на свободу выражения мнения и защитой репутации, а конвенционный стандарт, как указывает Европейский Суд по правам человека, требует очень веских оснований для оправдания ограничений дебатов по вопросам всеобщего интереса.

Таким основанием в рассматриваемом деле суд признал нарушение защищаемых Конституцией Российской Федерации и Гражданским кодексом Российской Федерации ценностей – чести, достоинства и деловой репутации, указав на то, что согласно части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Между тем положения указанной статьи Конституции Российской Федерации не исключают действия иных ее положений, в частности статьи 15, установившей, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, каковым является Конвенция о защите прав

человека и основных свобод (далее – Конвенция), являются составной частью ее правовой системы.

Это судебными инстанциями не было учтено. Формально сославшись на то, что в соответствии со статьями 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации (далее – СМИ), принятой 12 февраля 2004 г. на 872 заседании Комитета Министров Совета Европы, политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ, а государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий, суд не принял во внимание, что Российская Федерация как участник Конвенции признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение судами названной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»).

Согласно пункту 1 статьи 10 Конвенции каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Как неоднократно указывал Европейский Суд по правам человека, свобода выражения мнения, как она определяется в пункте 1 статьи 10 Конвенции, представляет собой одну из несущих основ демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена. Свобода слова охватывает не только «информацию» или «идеи», которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества».

Ценная для каждого свобода выражения мнения также представляет ценность для политических партий и их активных членов. Они представляют своих избирателей, рассматривают вопросы, которые их заботят, и защищают их интересы. Таким образом, вмешательство в свободу выражения мнения политика, члена оппозиционной партии требует от суда наиболее острого контроля.

Это судебными инстанциями учтено не было и повлекло за собой вынесение незаконных судебных постановлений <1>.

<1> Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2011 г. № 5-В11-49.

Комментарий к п. 6 Обзора

При рассмотрении дел о защите чести и достоинства одно из юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению, — является ли эта информация утверждением о фактах либо оценочным суждением, мнением, высказыванием.

В российской правовой системе данные термины не имели самостоятельного юридического значения и были восприняты правоприменительной (в первую очередь, судебной) практикой в результате использования прецедентов толкования ЕСПЧ положений ст. 8 и 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (далее — Конвенция). Свидетельством тому могут служить и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», далее — постановление Пленума ВС РФ № 3), во многом построившего разъяснения на основе критериев, сформулированных в практике ЕСПЧ, и данная самим международным судом оценка некоторых примеров восприятия его разъяснений российскими судами.

Так, в относительно недавнем деле «Джугашвили против России» ЕСПЧ отметил, что национальные суды «явно приняли во внимание его прецедентную практику, имеющую отношение к делу, в том числе общее различие между утверждениями о фактах и оценочными суждениями». Суды придали особое значение вопросу о том, относились ли фотографии, использованные при опубликовании статей, к дискуссии, представляющей общий интерес, а также рассмотрели обстоятельства, при которых они были сделаны. Это обосновало вывод Суда о том, что судам Российской Федерации удалось соблюсти необходимое в контексте позитивных обязательств государства справедливое равновесие между свободой выражения мнения журналистов, гарантированной ст. 10 Конвенции, и правом заявителя, предусмотренным ст. 8 Конвенции (решение от 09.12.2014 «По вопросу приемлемости жалобы № 41123/10 «Евгений Яковлевич Джугашвили (Yevgeniy Yakovlevich Dzhugashvili) против России»). В ином случае свобода выражения мнения распространялась бы лишь на взгляды, которые лицо может подкрепить прямыми доказательствами, что практически неприменимо к сфере личного отношения, предпочтений, субъективной оценки.

Стоит напомнить, что ранее ЕСПЧ обращал внимание российских властей на недопустимость подхода, который не предусматривал разницы между оценочными суждениями и утверждениями о фактах, обобщая их единым термином «сведения», и исходил из предположения, что все они подлежат доказыванию в рамках гражданского разбирательства [см.: п. 29 постановления от 21.07.2005 по делу «Гринберг против России» (Grinberg v. Russia; № 23472/03); п. 29 постановления от 05.10.2006 по делу «Захаров против России» (Zakharov v. Russia; № 14881/03); п. 38 постановления от 14.12.2006 по делу «Карман против России» (Karman v. Russia; № 29372/02); п. 47 постановления от 31.07.2007 по делу «Дюльдин и Кислов против России» (Dyuldin and Kislov v. Russia; № 25968/02)].

Верховный Суд РФ признал обязательной необходимость учета правовых позиций ЕСПЧ в отношении разграничения утверждений о фактах и субъективной оценки журналистом происходящих общественно значимых событий. И вслед за ЕСПЧ отечественная высшая инстанция указала на необходимость разграничения понятий «утверждение о фактах» и «оценочные суждения, мнения, высказы-

вания», используя такой критерий, как возможность проверить соответствие их действительности (п. 9 постановления Пленума ВС РФ № 3). Такая возможность, подчеркнул ВС РФ, присуща лишь утверждениям о фактах, тогда как оценочные суждения выражают личный (субъективный) взгляд автора и не поддаются такой проверке, а потому и не попадают в сферу действия ст. 152 ГК РФ.

Итак, в п. 9 постановления Пленума ВС РФ № 3 со ссылками на ст. 10 Конвенции и ст. 29 Конституции РФ судам указано на необходимость различать:

- утверждения о фактах («соответствие действительности которых можно проверить»);
- оценочные суждения, мнения, высказывания («которые ... являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности»).

Имеющие порочащий характер сведения, так или иначе относящиеся к профессиональной и иной деятельности лица и его деловым или личностным качествам, образуются из одного или нескольких утверждений о фактах – утверждений о реальных событиях с участием этого лица или фактически осуществленных им действиях. Установить, имело ли место такое событие или действие, во многих случаях затруднительно, но возможно, и доказывание этого обстоятельства возлагается, как было указано ранее, на ответчика – автора и (или) распространителя данных утверждений.

Другую категорию представляют собой оценочные суждения, мнения, высказывания. Являясь выражением личного мнения (оценки) или взгляда конкретного лица, такие суждения не подлежат проверке на предмет соответствия их действительности (умелый – неумелый, грамотный – неграмотный, умный – неумный, профессиональный – непрофессиональный): с ними можно спорить (не соглашаться), основываясь на других критериях, но их нельзя опровергнуть в судебном порядке. Справедливо замечено, что «оценка не констатирует факт, а выражает отношение человека к предмету или отдельным его признакам. Поэтому к оценкам неприменимы характеристики истинности-ложности» (апелляционное определение Тверского областного суда от 27.02.2014 по делу № 33-305). Вследствие этого оценочные суждения (мнения, высказывания) в отношении конкретного лица не приравниваются к порочащим сведениям и не предполагают их опровержения (хотя и не исключают ответа на них со стороны заинтересованного лица либо привлечения автора к ответственности за оскорбление).

Применительно к оценочным суждениям (мнениям, убеждениям) ВС РФ в тезисе комментируемого пункта Обзора указал, что они «не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 ГК РФ, если только они не носят оскорбительный характер». Схожее разъяснение содержалось и в п. 9 постановления Пленума ВС РФ № 3.

Приведенное разъяснение сложно признать корректным: складывается впечатление, что судебная защита от диффамации предоставляется утверждениям о фактах и оценочным суждениям. Между тем ст. 152 ГК РФ регулирует судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации лица, но никак не утверждений о фактах или каких бы то ни было оценочных суждений.

В связи со сказанным не меньшим диссонансом звучат выводы о том, что «предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации является не всякое суждение, а лишь такое, которое содержит утверждение о конкретных фактах или событиях, которые не имели места» (апелляцион-

ное определение ВС Республики Татарстан от 06.03.2014 по делу № 33-2532/2014), или что «судебной защите подлежит посягательство на положительную деловую репутацию лица».

Данное в п. 9 постановления Пленума ВС РФ № 3 указание было воспринято нижестоящими судами слишком буквально и нередко отказ в удовлетворении иска мотивируется тем, что имело место «оценочное суждение, не являющееся предметом защиты по ст. 152 ГК РФ». Такое обоснование противоречит здравому смыслу: истец обращается с требованием о защите собственной чести, достоинства или деловой репутации, а получает отказ ввиду того, что судебной защите не подлежит оценочное суждение ответчика.

Таким образом, существенным для правильного разрешения дела по иску о защите чести, достоинства или деловой репутации является решение вопроса о том, что же требует опровергнуть истец: утверждения о фактах или основанные на них оценочные суждения, мнения, высказывания. Обращаясь с подобными требованиями, заинтересованные лица нередко не уточняют, какие именно распространенные сведения порочат их деловую репутацию, по сути, требуя опровержения текста всей статьи, прозвучавшего в эфире выступления и т.д. Такая абстрактная формулировка недопустима: истец обязан указать, какие именно из распространенных сведений не соответствуют действительности и являются порочащими, а также когда, кем и как они были распространены.

Следует подчеркнуть, что при конкретизации в исковом заявлении сведений, которые, по мнению истца, являются не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию истца, необходимо указывать не оценочное суждение или мнение журналиста, ведущего, комментатора и т.д., а положенные в основу этих суждений утверждения о фактах (даже если последние изложены в предположительной манере, о чем упоминалось в комментарии к п. 5 Обзора и подробнее будет сказано далее).

Так, в предложении «с данным обществом не следует иметь дела, поскольку, как говорят, оно нередко обманывает своих партнеров» опровержения можно требовать только в отношении утверждения о том, что это общество «нередко обманывает партнеров». Вывод о том, что с данным обществом «не следует иметь дела», есть исключительно оценочное суждение и требовать его опровержения бесперспективно (хотя допустима публикация ответа на него). В указании на то, что «продукция этого производителя не соответствует требованиям, поэтому ее употребление по крайней мере не принесет пользы», утверждением о факте будет фраза «продукция этого производителя не соответствует требованиям», тогда как вывод о том, что «употребление по крайней мере не принесет пользы» есть оценочное мнение. Ошибка истца в формулировке собственных требований в этой части нередко приводит к отказу в иске по мотиву того, что оценочное суждение не подлежит опровержению в судебном порядке.

Возможно, излишняя краткость формулировок п. 9 постановления Пленума ВС РФ № 3 привела к тому, что правовая позиция, сформулированная в данном пункте, была в целом воспринята судами, но следование ей осуществляется не в точном соответствии, а иногда и в прямом противоречии с заложенным в ней смыслом. Примечательно, что, делая ссылку на это положение, суды иногда дают собственную редакцию (!) правовой позиции ВС РФ: «Согласно пункту 9 Постановления Пленума от 24.02.2005 № 3 предметом опровержения в порядке, предусмотренном пунктами 1, 2 статьи 152 Кодекса, могут выступать сведения, являющиеся

утверждениями о фактах, **то есть о тех или иных действительных реальных событиях и действиях**» (постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.10.2013 по делу № А23-571/2013). В этой (весьма вольной) трактовке, во-первых, исключен прямо названный в постановлении критерий для отграничения таких утверждений от оценочных суждений («судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, **соответствие действительности которых можно проверить**»), во-вторых, уточнено понятие **факта**, а не утверждения о нем (выделено нами. — *М. Р., М. Г.*).

Судебная практика свидетельствует о том, что судьи редко правильно разграничивают утверждения о фактах и оценочные мнения (суждения, высказывания). Например, суды признают оценочными суждениями утверждения о «нарушении элементарной деловой этики, граничащем с мошенничеством» и «подделке документов», тогда как подобные фразы указывают на грубое противоправное поведение и даже уголовно наказуемое деяние, а сама информация может быть проверена на предмет соответствия действительности.

При установлении названного обстоятельства на практике все еще возникают проблемы, связанные с выбором (а точнее, обнаружением новых) критериев для его надлежащей правовой оценки.

Довольно распространена не основанная ни на правовых позициях ВС РФ и ЕСПЧ, ни на положениях ст. 152 ГК РФ практика судов относить диффамационные сведения к разряду «оценочных суждений» ввиду вопросительного характера предложений, содержащих эти сведения:

— «содержащаяся в начале предложения лексема «непонятно» указывает на принадлежность сообщения вопросительной речи, а соответственно, данное предложение также содержит не утверждение, а оценочное суждение автора, выраженное в форме вопроса, предлагаемого к обсуждению» (постановление АС Уральского округа от 15.09.2014 № Ф09-5120/14 по делу № А71-6557/2013);

— «постановка вопросительного знака указывает на то, что предложение содержит в себе вопрос — особую форму рассуждения, не содержащую ни утверждения, ни отрицания чего-либо. Таким образом, заголовок статьи не содержит каких-либо утверждений, в том числе порочащих деловую репутацию истца» (постановление ФАС Центрального округа от 23.01.2014, решение АС Калужской области от 26.07.2013 по делу № А23-571/2013);

— «согласно правилам русского языка вопросительные предложения не выполняют функции сообщения информации. Данные предложения используются для получения информации вопрошающим от того, кому этот вопрос задается. Следовательно, в носящих вопросительный характер высказываниях не может содержаться каких-либо утверждений, а следовательно, и сведений» (постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.10.2013 по делу № А23-571/2013) и др.

При отмеченном подходе к толкованию понятий суды фактически подменяют правовую категорию «утверждение о фактах», применяемую на национальном и международном уровне, одноименным термином принципиально иного (синтаксического) содержания. Отраднo, что недопустимость подобной подмены понятна и некоторым судьям: «...утверждение как лингвистическая категория не тождественна утверждению о факте как юридической (правовой) категории,

поскольку последняя четко идентифицируется с точки зрения возможности доказывания, в то время как утвердительная форма высказывания возможна как в отношении сведений о факте, так и в отношении мнения, суждения, оценки, изложенных их носителем» (апелляционное определение Свердловского областного суда от 10.12.2013 по делу № 33-14662/2013).

Нельзя не заметить негативных последствий повсеместного распространения «синтаксического» подхода к оценке правовой категории «утверждение о фактах». В судебной практике акцент от выяснения цели оспариваемых высказываний – выражение собственного мнения по общественно значимому вопросу либо умышленно искаженное изложение ситуации – все чаще смещается к анализу пунктуационных правил русского языка и характеристике спорных предложений (повествовательное, вопросительное или побудительное). Очевидно, что при таком подходе исследование содержательного аспекта подменяется формальным, что не отвечает самой цели судебного разбирательства таких дел.

Разграничивать оценочные (субъективные) мнения и достоверные/недостоверные утверждения о фактах на основании знаков пунктуации представляется таким же невозможным, как сравнивать цвета по критерию веса или рост по температуре. Достоверность или недостоверность сведений (а точнее, как таковая возможность их проверить), как и их оценочный (субъективный) характер, не зависят от постановки точки, многоточия, вопросительного или восклицательного знака в конце предложения.

Понятие «достоверность» раскрывает российское процессуальное законодательство. Так, в силу норм ч. 3 ст. 71 АПК РФ доказательство признается арбитражным судом достоверным, если в результате его проверки и исследования выясняется, что содержащиеся в нем сведения соответствуют действительности. Подлежит ли эта норма применению, если письменное доказательство содержит вопросительные предложения (к примеру, вопросы о том, планирует ли контрагент погасить образовавшуюся задолженность, в какие сроки и т.д.)? Никаких исключений на этот счет закон не предусматривает. Вопросительная форма изложения остается формой и не смешивается с содержанием доказательства.

В ряде случаев публикации содержат, казалось бы, только предположения, что, по мнению некоторых судов, также исключает признание их сведениями, порочащими деловую репутацию истца. В обоснование такого вывода часто «под копирку» указывается, что о выражении субъективного предположительного мнения автора свидетельствует стиль изложения (использование вопросительных предложений, на которые не дается ответ, вводных слов и словосочетаний «возможно», «есть мнение», «есть основания полагать», «скорее всего», «по версии», «якобы», «говорят», «напрашивается вывод», «допустим» и др.).

Противоположная судебная правовая позиция исходит из того, что использование такого рода словосочетаний, выражающих оценку лицом степени достоверности сообщаемых им сведений, не является фактором, безусловно исключающим наличие утверждений о фактах. Для выяснения этого существенного для дела обстоятельства необходим анализ содержания конкретных словесно-смысловых конструкций в контексте.

Поддерживая и развивая данный вывод, можно заключить, что сообщаемая информация о деятельности лица, его поведении либо о проявленных им личностных качествах способна его опорочить независимо от какой бы то ни было (предположительной либо иной) манеры ее подачи (а иногда и особенно с учетом та-

кой манеры). Сведения наносят вред чести, достоинству или деловой репутации заявителя, если они внушают недоверие к нему, раскрывают его предосудительные свойства, выставляют в невыгодном свете, компрометируют, дискредитируют, очерняют, позоряют конкретное лицо. Добавление слов, указывающих на условно-предположительный характер такой информации, зачастую представляет собой лишь попытку закамуфлировать распространение порочащих сведений (подробнее об этом см. комментарий к п. 7 Обзора).

Аналогичные выводы следует высказать в отношении еще одного мотива для признания некоторыми судами оспариваемых сведений оценочными суждениями – постановка автором риторического вопроса. При этом ни контекст, ни собственно содержание фраз обычно не оцениваются судом на предмет наличия в них сведений компрометирующего, дискредитирующего характера. Однако имеет место и иной подход к оценке данного косвенного способа передачи информации: с учетом контекста и расположения соответствующей фразы в спорном материале риторический вопрос также может быть скрытым утверждением (постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2016 № 06АП-3385/2015, решение АС Хабаровского края от 25.08.2015 по делу № А73-15320/2014).

Стоит задуматься: если абсолютно любое утверждение (ложное, оскорбительное, порочащее и др.) можно безнаказанно распространять, всего лишь изложив его в форме вопросительного предложения либо надуманного предположения, то в чем тогда состоял смысл закрепления на уровне федерального закона гарантий судебной защиты от умышленного нарушения прав лица посредством унижения его чести, достоинства, деловой репутации?

Подобного рода «судебная защита» – провозглашенная, декларативная, но фактически не реализуемая – в терминологии ЕСПЧ именуется иллюзорной. Как неоднократно указывал КС РФ, в силу принципа недопустимости нарушения прав и свобод других лиц как основополагающего условия соблюдения баланса общественных и частных интересов при реализации права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, обеспеченного свободой массовой информации и запретом цензуры (чч. 4, 5 ст. 29 Конституции РФ), в любом случае должна быть обеспечена реальная защита прав и законных интересов лица, чьи честь, достоинство и доброе имя потерпели ущерб в результате распространения не соответствующей действительности негативной информации (см.: определения от 22.01.2014 № 12-О, от 01.03.2010 № 323-О-О; постановление от 09.07.2013 № 18-П и др.).

Вместе с тем стоит отметить, что в практике и судов общей юрисдикции, и арбитражных судов встречаются примеры надлежащего применения рассмотренного критерия разграничения понятий «утверждение о факте» и «оценочное суждение» (апелляционное определение Иркутского областного суда от 27.12.2013 по делу № 33-10581/13, определение Санкт-Петербургского городского суда от 11.04.2013 № 33-4903/2013; постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.03.2014 № 18АП-2269/2014 по делу № А76-20129/2013 (оставлено в силе постановлением ФАС Уральского округа от 18.06.2014 № Ф09-2852/14); постановления Третьего арбитражного апелляционного суда от 17.04.2012 по делу № А33-18210/2011, Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.10.2012 № 18АП-10199/2011 по делу № А07-6555/2012, Десятого арбитражного апелляционного суда от 12.10.2010 по делу № А41-12858/10, ФАС Поволжского округа от 16.06.2009 по делу № А57-22/2007 и др.).

7. Лицо, распространившее те или иные сведения, освобождается от ответственности, если докажет, что такие сведения в целом соответствуют действительности. При этом не требуется доказывать соответствие действительности каждого отдельно взятого слова или фразы в оспариваемом высказывании. Ответчик обязан доказать соответствие действительности оспариваемых высказываний с учетом буквального значения слов в тексте сообщения. Установление того, какие утверждения являются ключевыми, осуществляется судом при оценке сведений в целом.

Общество обратилось в суд с иском к редакции газеты о защите деловой репутации и возмещении убытков, сославшись на то, что в публикации указывалось на большое количество долгов у общества перед его кредиторами, на наличие долгов перед федеральным и областным бюджетами в размере более 4 млн. руб., а также на то, что один из кредиторов общества инициировал в отношении последнего процедуру банкротства и судом назначен внешний управляющий.

В процессе рассмотрения дела установлено, что один из кредиторов общества – банк – действительно обратился в суд с заявлением о признании должника банкротом. Определением арбитражного суда в отношении общества введена процедура наблюдения, требование банка признано обоснованным и включено в соответствующую очередь, назначен временный управляющий. Между тем информация о назначении внешнего управляющего не в полной мере соответствовала действительности, поскольку судом утверждён не внешний, а временный управляющий. Доказательств соответствия сведений о размере задолженности в федеральный и областной бюджеты в сумме более 4 млн. руб. в материалы дела представлено не было.

Арбитражный суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал, указав, что наличие в высказывании нескольких утверждений, не соответствующих действительности или некорректных, само по себе не делает все высказывание заведомо ложным, если ответчик докажет, что ключевые утверждения о фактах, которые составляют существо оспариваемого высказывания, соответствуют действительности.

Информация о наличии больших долгов общества, являющаяся ключевой, в целом соответствует действительности, что подтверждается определением суда о введении процедуры наблюдения, в связи с чем публикация, содержащая указанные сведения, не может быть признана ложной <1>.

<1> Аналогичная позиция отражена, например, в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 сентября 2014 г. по делу № А03-6134/2013.

Комментарий к п. 7 Обзора

По сложившейся судебной практике сведения квалифицируются как не соответствующие действительности, если они представляют собой утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения. При этом бремя доказывания соответствия этих сведений действительности в силу п. 1 ст. 152 ГК РФ возложено на ответчика.

В комментируемом пункте Обзора акцентируется внимание на том, что на ответчика не возлагается обязанность доказывания действительности «каждого отдельно взятого слова или фразы в оспариваемом высказывании». При этом ВС РФ подчеркивает, что при оценке сведений о фактах именно на суд возлагается обязанность установить, какие утверждения являются ключевыми и, соответственно, требуют доказывания.

В связи с этим не будет лишним еще раз обратить внимание на то, что оценка оспариваемых сведений по критерию достоверности допустима (с учетом позиций ЕСПЧ и ВС РФ) только в отношении утверждений о фактах. Нередко ответчики по делам о защите от диффамации одновременно используют несколько взаимоисключающих средств защиты от иска: доказывают достоверность распространенных сведений и при этом ссылаются на выражение в оспариваемых фразах оценочных суждений.

Примером может служить дело, приведенное в предыдущем пункте Обзора (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.06.2011 № 5-В11-49). Несмотря на довод о том, что оспариваемое высказывание имеет оценочный характер, то есть не может быть проверено на предмет соответствия его действительности, в подтверждение действительности распространенных сведений стороной ответчика были предоставлены материалы уголовных дел.

Такой подход представляется не просто излишним («план Б» на случай отклонения судом одного из доводов), а абсурдным. Как уже было сказано ранее, понятие «оценочное суждение», введенное ЕСПЧ и воспринятое российской правоприменительной практикой, означает субъективное мнение, априори не подлежащее проверке с точки зрения его достоверности. Личное отношение, предпочтение или неприязнь, субъективная оценка могут быть обусловлены фактами объективной действительности, но не подтверждаемы какими-либо доказательствами на предмет соответствия ей.

А значит, попытка доказать достоверность распространенных сведений говорит о признании стороной того обстоятельства, что это объективно «проверяемые» данные. Что, в свою очередь, исключает возможность признания их оценочными суждениями. Представляется, что в рамках определения и исследования предмета доказывания по делу судам необходимо подробнее выяснять данное обстоятельство и позиции сторон по нему с учетом разъяснения ВС РФ.

Этот момент приобретает особенно важное значение в случаях, когда судебное дело касается распространения непроверенных либо искаженных (а зачастую и просто вымышленных) сведений под прикрытием «свободы слова» и «выражения субъективного мнения по общественно значимому вопросу». Обязанность доказывания достоверности таких сведений чаще всего встречает искусственные препятствия, заведомо создаваемые ответчиком именно для того, чтобы обезопасить себя от юридических последствий.

Так, в литературе подробно анализируются способы изложения сведений, имеющих целью опорочить честь, достоинство, деловую репутацию. В их числе:

1. Открытая вербальная (словесная) форма, когда сведения представлены в виде отдельного высказывания или цепочки взаимосвязанных высказываний, причем новая информация дана в предикативной части высказывания (является предикатом, логическим сказуемым). Например: вор у вора дубинку украл.

2. Скрытая вербальная форма, когда сведения выражены словесно, но как бы спрятаны, не бросаются в глаза и даются как что-то уже известное – в группе подлежащего. Например, только что приведенное высказывание содержит не только информацию о краже дубинки у вора, но и информацию о том, что сделавший это – вор.

3. Пресуппозитивная (затекстовая) форма, когда информация о каких-то аспектах события в тексте непосредственно не выражена и подразумевается, что и говорящий (пишущий), и слушатель (читатель) ее знают.

4. Подтекстовая форма, когда информация не содержится в самом тексте, но легко «извлекается» из него читателем или слушателем. Здесь могут использоваться

различные приемы. Например, прямой оценки нет, но факт подается в контексте, позволяющем логически вывести из него определенную (негативную) оценку. Либо читателю задается так называемый риторический вопрос, который на самом деле является скрытым утверждением [11, с. 89-94].

Названные способы активно применяются при проведении недобросовестных PR-кампаний: «Метод «юридической безопасности» используется при проталкивании непроверенной информации. Чтобы обезопасить себя от судебных преследований, в таком случае при подаче информации используются слова: по слухам, видимо, по версии, по предположению и т.п. Информация при использовании подобных слов приобретает предположительный характер, и осудить автора за клевету становится сложно. Избирательные дополнительные слова, как правило, забывает и предполагаемое событие воспринимает или запоминает как реальное» [12].

Упомянутый метод не отменяет необходимости оценки судом наличия у ответчика возможности проверить сведения на предмет соответствия действительности до их распространения. В отношении СМИ данная потенциальная возможность является обязанностью, возложенной на журналиста законом.

В качестве другого примера можно привести даваемые СМИ рекомендации относительно использования в публикациях непроверенных и не соответствующих действительности сведений: «При отсутствии абсолютно достоверной информации, подтвержденной документально, использовать в публикациях обороты «по нашему мнению», «предположительно», «полагаем, что...», «представляется вероятным, что...» и т.п. ... В то же время следует помнить, что данное средство защиты не имеет абсолютного характера. При его использовании следует избегать очевидных сообщений о фактах под видом предположительных высказываний. Полагаем, что не может расцениваться в качестве исключительно оценочного суждения высказывание типа: «Представляется вероятным, что именно NN злоупотребил должностными полномочиями»... Что касается публикаций о деятельности юридических лиц (компаний), то при отсутствии достоверных доказательств (в том числе копий соответствующих документов) следует избегать навязчивого формирования у читателей обобщенного негативного образа данной компании как недобросовестной при ведении предпринимательской деятельности в целом, ограничившись указанием конкретных фактов» [13].

Данные рекомендации в целом принимают во внимание практику ЕСПЧ, которая не исключает возможность возложения на СМИ ответственности за диффамацию даже в случае изложения оценочных суждений [постановление от 19.06.2003 по делу «Педерсен и Бадсгард против Дании» (Pedersen and Baadsgaard v. Denmark; № 49017/99)]. При этом ЕСПЧ обращает внимание национальных судебных органов на тесную взаимосвязь достоверности (четкой фактической обоснованности) выражаемого мнения и добросовестности его носителя в отношении предварительной проверки и публичного освещения фактических обстоятельств. Такая связь доступно проиллюстрирована в практике ЕСПЧ.

Так, в деле «Агеевы против России» ЕСПЧ признал, что «утверждения, выдвинутые бульварной прессой в отношении заявительницы, имели фактический характер и были представлены таким способом, который создавал впечатление их проверенности или подтвержденности достоверным источником информации» [п. 228 постановления от 18.04.2013 по делу «Агеевы против России» (Ageyevy v. Russia; № 7075/10)].

Как установил ЕСПЧ, часть утверждений не имела ссылки на источник, часть ссылалась на содержание медицинской карты заявительницы и на заключение «врачей», тогда как в действительности не была подкреплена воспоминаниями отдельных врачей или персонала больницы о том, что они слышали от четырехлетнего мальчика, и черпала «достоверность» из других высказываний той же статьи. Имела место ошибка в высказывании, сделанном со ссылкой на врача, пересказы-

вавшего то, что он предположительно слышал от заявителя. В параллельно проходившем уголовном разбирательстве подтвердилось, что заявитель никогда не поддерживал соответствующие мнения и его предполагаемое подтверждение в этой части было измышлением, что впоследствии признал и врач. Кроме того, имела место грубая неточность в одном из утверждений, поскольку упомянутое в статье «официальное заключение врачей» в действительности представляло собой разрозненные воспоминания (собственные мнения) отдельных врачей о том, что они слышали после происшествия. Наконец, как отмечается в постановлении ЕСПЧ, суды страны, вероятно, просто забыли проверить соответствие действительности части высказываний, которые остались нерассмотренными и не подтвержденными какими-либо свидетелями и получили оценку в виде произвольного заключения о том, что опубликованные материалы являются правдивыми. При этом лишь одно из оспоренных высказываний могло рассматриваться как оценочное суждение.

На основе этих обстоятельств ЕСПЧ пришел к выводу, что при оценке оспариваемой информации суды не применили более требовательный стандарт доказывания, не проанализировали подробно все относящееся к делу содержание статей, не проверили, соблюдена ли журналистами обязанность действовать добросовестно и сообщать «достоверные и точные» сведения согласно журналистской этике. Тем самым не было обеспечено справедливое равновесие интересов и допущено нарушение ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Приведенный пример ярко иллюстрирует последствия излишне обобщенного подхода к судебному доказыванию достоверности оспариваемых сведений. Не основанный на подробном исследовании всех изложенных фактов вывод об их «в целом соответствии действительности» может оказаться фатально ложным, при этом выступив мотивом для освобождения виновного от ответственности.

Учитывая сказанное, разъяснения ВС РФ, данные в комментируемом пункте Обзора, не следует воспринимать как руководство к сужению судами предмета или ослаблению обязанности судебного доказывания ответчиком соответствия действительности распространенных им сведений.

8. Критика деятельности лиц, осуществляющих публичные функции, допущена в более широких пределах, чем в отношении частных лиц.

Особую сложность вызывает рассмотрение дел о защите чести, достоинства и деловой репутации лиц, осуществляющих публичные функции. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статьи 23 и 24). При этом профессиональная сфера деятельности предполагает наличие определенных ограничений в осуществлении конституционных прав и свобод, что обусловлено исполнением особых публично-правовых обязанностей.

Так, Б., являющийся должностным лицом органа исполнительной власти, обратился в суд с иском к депутату М. о защите деловой репутации путем признания распространенных ответчиком на одном из заседаний законодательного органа сведений, порочащими деловую репутацию Б. как гражданина и должностного лица, а также признания ряда публичных высказываний не соответствующими действительности.

В обоснование иска заявитель указал, что публичное распространение высказываний подтверждается стенограммой заседания законодательного органа и

видеозаписью выступления ответчика, размещенной в сети «Интернет». Истец полагал, что ответчик имел намерение опорочить его публично в присутствии широкой общественности, воспользовавшись депутатской трибуной, заявив, что оспариваемые сведения не соответствуют действительности, являются порочащими и должны быть опровергнуты.

В свою очередь ответчик ссылался на то, что выступление преследовало цель донести мнение избирателей о сложившейся ситуации в конкретном субъекте Российской Федерации и просьбу об отставке истца. Как утверждал ответчик, сведения, содержащиеся в его выступлении, являлись мнением избирателей, выражающим их оценку деятельности истца как должностного лица, и не могут быть признаны сведениями, которые можно проверить на соответствие действительности.

Частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что распространенная ответчиком информация содержит сведения о фактах, негативно характеризует истца и порочит деловую репутацию последнего как должностного лица органа исполнительной власти перед лицом большой аудитории. При этом достоверность этой информации ответчиком не была доказана.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело в кассационном порядке, в том числе указала следующее.

Европейский Суд, в частности в постановлении по делу «Федченко (Fedchenko) против Российской Федерации» от 11 февраля 2010 г., указал, что в отношении государственных служащих, действующих в официальном качестве, как и политиков, рамки допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц.

Европейский Суд также отмечает, что пункт 2 статьи 10 Конвенции дает мало возможностей для ограничения политических высказываний или дебатов по вопросам, представляющим всеобщий интерес. Кроме того, хотя нельзя сказать, что слова и поступки государственных служащих и политических деятелей в равной степени заведомо открыты для наблюдения, государственные служащие, находящиеся при исполнении обязанностей, подобно политикам, подпадают под более широкие пределы допустимой критики, чем частные лица (дело «Дюндин (Dyundin) против Российской Федерации», постановление Европейского Суда от 14 октября 2008 г.).

Пределы допустимой критики шире в отношении правительства, чем простого лица или даже политика. При демократическом режиме действия и бездействие правительства должны быть помещены под внимательный контроль со стороны не только законодательной и судебной власти, но также общественного мнения. Кроме того, доминирующее положение, которое оно занимает, делает необходимой демонстрацию сдержанности, когда встает вопрос об уголовном преследовании, особенно когда имеются другие средства ответа на неоправданные нападки и критику со стороны его противников.

Эти правовые позиции не были учтены судебными инстанциями при рассмотрении данного дела <1>.

<1> Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 10-КГ13-2.

Комментарий к п. 8 Обзора

ЕСПЧ проводит разграничение между сообщением фактов, даже весьма спорных, способных оказать положительное влияние на обсуждение в демократическом обществе вопросов, касающихся, например, политических деятелей при ис-

полнении ими своих функций, и сообщением подробностей частной жизни лица, которое не занимается никакой официальной деятельностью. Если в первом случае пресса исполняет функцию «сторожевого пса демократии» в деле «информирования общественности по вопросам, представляющим общественный интерес», то во втором такой роли она не играет [постановление от 26.11.1991 по делу «Обсервер» и «Гардиан» против Великобритании» (*Observer and Guardian v. the United Kingdom*; № 13585/88)].

Так, в деле «Фон Ганновер (принцесса Ганноверская) против Германии» ЕСПЧ указал, что решающим фактором при сопоставлении защиты частной жизни со свободой выражения мнения должен являться вклад, который опубликованные фотографии и статьи вносят в обсуждение вопроса, представляющего общественный интерес. В данном деле такой вклад был признан «равным нулю», поскольку фотографии и статьи были посвящены исключительно подробностям частной жизни заявительницы, не исполнявшей при этом каких-либо официальных функций [см. постановление ЕСПЧ от 24.06.2004 по делу «Фон Ганновер (принцесса Ганноверская) против Германии» (*Von Hannover v. Germany*; № 59320/00)].

При этом ст. 10 Конвенции позволяет защищать репутацию каждого, в том числе и политика, даже когда он выступает не в личном качестве; но в таких случаях противовесом защиты служит интерес общества к открытой дискуссии по политическим вопросам [п. 42 постановления ЕСПЧ от 08.07.1986 по делу «Лингенс против Австрии» (*Lingens v. Austria*; № 9815/82)]. Для достижения справедливого равновесия между конкурирующими интересами требуется правильное установление и полное выяснение всех обстоятельств, имеющих значение для квалификации диффамации.

В прецедентной практике ЕСПЧ можно считать устоявшимися, как минимум, два критерия отграничения надлежащего осуществления свободы, гарантированной ст. 10 Конвенции, от диффамации.

1. Цель или причина распространения информации.

Допустимо выражение мнения, даже критического или содержащего некоторое преувеличение, если целью его служит отражение дискуссии по вопросу, представляющему общественный (публичный) интерес. В свою очередь диффамация нацелена на умаление достоинства, репутации лица, в адрес которого высказано мнение, безотносительно значимости распространенных сведений для защиты интересов общества.

Категория «свобода политической дискуссии» фигурирует в большинстве постановлений, принимаемых по жалобам на нарушение прав, гарантированных ст. 8 и 10 Конвенции, и расценивается ЕСПЧ как стержень концепции демократического общества, которая проходит через всю Конвенцию [п. 59 постановления от 26.11.1991 по делу «Обсервер» и «Гардиан» против Великобритании» (*Observer and Guardian v. the United Kingdom*; № 13585/88); п. 59 постановления Большой Палаты ЕСПЧ от 20.05.1999 по делу «Бладет Тромсо» и Стенсаас против Норвегии» (*Bladet Tromso and Stensaas v. Norway*; № 21980/93); п. 38 постановления от 26.04.1995 по делу «Прагер и Обершлик против Австрии» (*Prager and Obershlick v. Austria*; № 15974/90); пп. 59-63 постановления от 06.02.2001 по делу «Таммер против Эстонии» (*Tammer v. Estonia*, № 41205/98); постановление от 01.07.2003 по делу «Призма пресс» против Франции» (*Societe Prisma Presse v. France*, № 66910/01, № 71612/01)]. При этом подразумевается использо-

вание свободы печати в качестве инструмента, «позволяющего узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров» (п. 42 постановления от 08.07.1986 по делу «Лингенс против Австрии» (*Lingens v. Austria*; № 9815/82)). В связи с этим интерес общества к открытой дискуссии по политическим вопросам выступает противовесом праву любого лица на защиту своей репутации. Именно здесь особое значение для правильной квалификации диффамации приобретает цель распространения сведений, собственного мнения и т.д.

Как отчасти в других схожих делах [постановление от 12.12.2000 по делу «Хайме Кампмани и Диез де Ревенга и Хуан Луис Лопес-Галиахо Перона против Испании» (*Campmany y Diez de Revenga and Lopez Galiacho Perona v. Spain*; № 54224/00); постановление от 13.05.2003 по делу «Хулио Боу Хиберт и «Эль Огар и ла Мода Х. А.» против Испании» (*Julio Bou Gibert and El Hogar Y La Moda J. A. v. Spain*; № 14929/02)], в упомянутом деле «Фон Ганновер (принцесса Ганноверская) против Германии» ЕСПЧ пояснил, что, несмотря на широкую известность заявительницы в обществе, публикация ее фотографий и сопутствующих статей имела единственной целью удовлетворение любопытства определенного круга читателей к подробностям частной жизни заявительницы [постановление от 24.06.2004 по делу «Фон Ганновер (принцесса Ганноверская) против Германии» (*Von Hannover v. Germany*; № 59320/00)].

При этом в деле «Федченко против России» ЕСПЧ указал, что в отношении государственных служащих, действующих в официальном качестве, как и политиков, рамки допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц [постановление от 11.02.2010 по делу «Федченко против России» (*Fedchenko v. Russia*; № 33333/04)]. См. также п. 33 постановления Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Яновский против Польши» (*Janowski v. Poland*; № 25716/94)]. Однако степень публичной «уязвимости» государственных служащих хотя и выше, чем у частных лиц, но не аналогична положению политиков, что может обусловить необходимость защиты от необоснованных нападок в целях сохранения доверия населения и надлежащего выполнения возложенных на них функций [пп. 53 и 54 постановления от 11.03.2003 по делу «Лесник против Словакии» (*Lesnik v. Slovakia*, № 35640/97); п. 66 постановления от 19.06.2003 по делу «Педерсен и Бадсгард против Дании» (*Pedersen and Baadsgaard v. Denmark*; № 49017/99)].

К примеру, работа судов, выступающих гарантами справедливости и играющих главенствующую роль в государстве, основанном на верховенстве права, должна пользоваться общественным доверием. А значит, должна быть защищена от необоснованных нападок. Важно проводить четкое разграничение между критикой и оскорблением. Если единственная цель какой-либо формы выражения мнения – оскорбление суда или его членов, соответствующее наказание в принципе не будет являться нарушением п. 2 ст. 10 Конвенции [п. 34 постановления от 27.05.2003 по делу «Скалка против Польши» (*Skalka v. Poland*; № 43425/98)].

Кроме того, признается неприемлемым подвергать должностное лицо нападкам в связи с вопросами, касающимися членов его семьи [постановление ЕСПЧ от 24.02.1997 по делу «Де Хас и Гийселс против Бельгии» (*De Haes and Gijssels v. Belgium*; № 19983/92)].

Так, в деле «Компания «Штандард ферлагс ГмбХ» (№ 2) против Австрии» было признано отсутствие нарушения ст. 10 Конвенции в действиях национальных судов, обязавших ответчика выплатить компенсацию за опубликование в средствах

массовой информации слухов о том, что жена австрийского президента намеревалась развестись и имела тесные связи с двумя мужчинами — австрийским политиком и иностранным послом. ЕСПЧ обратил внимание на то, что данная информация не отражала дискуссию по вопросу, представляющему всеобщий (публичный) интерес, целью распространения сведений не являлись ни выражение свободы слова по общественно значимым вопросам, ни обеспечение прозрачности в деятельности наделенных государственными полномочиями лиц [постановление ЕСПЧ от 04.06.2009 по делу «Компания «Штандард ферлагс ГмбХ» (№ 2) против Австрии» (Standard Verlags GmbH (№ 2) v. Austria; № 21277/05)].

Как следует из практики ЕСПЧ, определение баланса между правом на уважение частной жизни и правом на свободу выражения мнений по общественно значимым вопросам должно производиться с учетом вклада в общественные дебаты, степени известности, в которой лицо находилось в центре внимания общественности, предмета публикации, предшествующего поведения соответствующего лица, содержания, формы и последствий публикации [постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 07.02.2012 по делу «Издательский дом «Аксель Шпрингер АГ» против Германии» (Axel Springer AG v. Germany; № 39954/08); постановление от 19.02.2015 по делу «Эрнст Август фон Ганновер против Германии» (Ernst August von Hannover v. Germany; № 53649/09); постановление Большой Палаты от 07.02.2012 по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)» (Von Hannover v. Germany; № 40660/08 и 60641/08); постановление от 11.01.2000 по делу «Ньюс ферлагс ГмбХ & Ко. КГ против Австрии» (News Verlags GmbH & Co. KG v. Austria; № 31457/96); постановление от 26.02.2002 по делу «Кроне ферлаг ГмбХ & Ко. КГ против Австрии» (Krone Verlag GmbH & Co KG v. Austria; № 34315/96)].

2. Добросовестность лица, выражающего мнение, и четкая фактическая обоснованность его высказываний.

В первую очередь (хотя и не ограничиваясь этим) данный критерий важен для установления диффамации в публикациях и высказываниях, распространяемых через средства массовой информации. Признавая особую роль прессы в обществе («сторожевого пса»), ЕСПЧ неоднократно напоминал об обязанностях и ответственности журналистов при освещении тех или иных вопросов [постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 17.12.2004 по делу «Кумпэнэ и Мазэре против Румынии» (Cumpana and Mazare v. Romania; № 33348/96)]. На прессе лежит обязанность тщательной проверки не только самих распространяемых о публичном лице сведений, которые могут затронуть его честь, достоинство, репутацию или частную жизнь либо права иных лиц, но и надежности источников, на основании которых сделаны либо пересказаны выводы и утверждения.

В частности, право журналистов на распространение информации по вопросам общего интереса ограничено условиями совершения добросовестных действий, предоставления точной и надежной информации, объективного отражения мнений лиц, участвующих в публичной дискуссии, и исключения стремления к явной сенсационности в соответствии с журналистской этикой [п. 42 постановления ЕСПЧ от 23.10.2008 по делу «Годлевский против России» (Godlevskiy v. Russia; № 14888/03); пп. 45 и 52 постановления Большой Палаты ЕСПЧ от 21.01.1999 по делу «Фрессоз и Руар против Франции» (Fressoaz and Roire v. France; № 29183/95); пп. 59 и 65 постановления Большой Палаты ЕСПЧ от 20.05.1999 по делу «Бладет Тромсо» и Стенсаас против Норвегии» (Bladet Tromso and Stensaas v. Norway; № 21980/93); пп. 102-103 постановле-

ния Большой Палаты ЕСПЧ от 10.12.2007 по делу «Штоль против Швейцарии» (Stoll v. Switzerland; № 69698/01); пп. 46-47 постановления от 19.06.2012 по делу «Кроне ферлаг ГмБХ против Австрии» (Krone Verlag GmbH v. Austria; № 27306/07)].

Соразмерность вмешательства в свободу выражения мнения прессы может зависеть от достаточности его фактических оснований (даже в случае, когда оно сводится к оценочному суждению).

ЕСПЧ считает допустимым возложение ответственности и за критические высказывания, которые вызваны не целью распространения общественно значимой информации, а чрезмерными личностными нападениями, выходящими за рамки допустимой критики и не имеющими под собой достаточных оснований [постановление от 26.04.1996 по делу «Прагер и Обершлик против Австрии» (Prager and Obershlick v. Austria; № 15974/90)].

Так, в деле «Педерсен и Бадсгард против Дании» Суд отметил: «даже в случае, когда утверждение сводится к оценочному суждению, соразмерность вмешательства может зависеть от наличия достаточных фактических оснований для опровергаемого утверждения, поскольку даже оценочное суждение, не имеющее под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерным» [постановление от 19.06.2003 по делу «Педерсен и Бадсгард против Дании» (Pedersen and Baadsgaard v. Denmark; № 49017/99)].

Минимальной фактической основой для высказываний, содержащих оценочные суждения, ЕСПЧ признает общеизвестные факты, первичную проверку или независимое исследование [п. 41 постановления от 28.03.2013 по делу «Новая газета» и Бородянский против России» (Novaya Gazeta and Borodyanskiy v. Russia; № 14087/08). См. также п. 44 постановления от 18.03.2009 по делу «Махмудов и Агазаде против Азербайджана» (Mahmudov and Agazade v. Azerbaijan; № 35877/04)].

9. Требования истца о защите чести и достоинства не подлежат удовлетворению, если им оспариваются сведения, изложенные в официальном обращении ответчика в государственный орган или к должностному лицу, а само обращение не содержит оскорбительных выражений и обусловлено намерением ответчика реализовать свое конституционное право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления.

Запрет преследования гражданина в связи с его обращением в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу с критикой деятельности указанных органов или должностного лица либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц прямо установлен в статье 6 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

В ряде случаев при рассмотрении дел, оценивая сведения, изложенные в официальном обращении ответчика в государственный орган или к должностному лицу, суды приходили к ошибочному выводу о том, что оспариваемые истцом высказывания, которые, по его мнению, порочат его честь, достоинство или деловую репутацию, должны рассматриваться как утверждения о фактах и событиях, являющиеся предметом судебной проверки в порядке статьи 152 ГК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в целях исправления ошибки в применении норм права при рассмотрении конкретного дела, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления, высказала следующую правовую позицию.

Каждый гражданин имеет право свободно и добровольно обращаться в государственные органы, органы местного самоуправления и к должностным лицам в целях защиты своих прав и законных интересов либо прав и законных интересов других лиц. При этом гражданин может указать в обращении на известные ему факты и события, которые, по его мнению, имеют отношение к существу поставленного в обращении вопроса и могут повлиять на его разрешение. То обстоятельство, что изложенные в обращении сведения могут не найти своего подтверждения, не является основанием для привлечения заявителя к гражданско-правовой ответственности, предусмотренной статьей 152 ГК РФ, если соответствующее обращение обусловлено его попыткой реализовать свои конституционные права, имеющие выраженную публичную направленность, в целях привлечения внимания к общественно значимой проблеме. Иное означало бы привлечение лица к гражданско-правовой ответственности за действия, совершенные им в пределах предоставленных ему конституционных прав, а равно при исполнении им своего гражданского долга.

Судами, рассматривающими данное дело, не было установлено, что оспариваемое сообщение содержит оскорбительные выражения, что являлось бы недопустимым злоупотреблением правом на свободу слова и выражения мнения <1>.

<1> Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 декабря 2013 г. № 49-КГ13-9.

По другому делу Б. обратилась в суд с иском к Г. о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда.

Судом установлено, что Г. обращался в органы ФСБ и МВД России с заявлением и давал объяснения о том, что на территории конкретного субъекта Российской Федерации действует преступная группировка, которая занимается незаконным оборотом наркотических средств, в состав которой входят истица Б. и ее муж А. Постановлением начальника территориального органа МВД России в возбуждении уголовного дела в отношении Б. и А. было отказано за отсутствием состава преступления.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Б., суд первой инстанции исходил из того, что при обращении ответчика с заявлением в правоохранительные органы имела место реализация конституционного права на обращение в государственные органы, которые в силу закона обязаны проверять поступившую информацию о совершении преступлений.

Отменяя решение суда первой инстанции и частично удовлетворяя исковые требования Б., суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что поскольку обращением ответчика в правоохранительные органы истцу причинены нравственные страдания, выразившиеся в переживаниях по поводу своей репутации, постольку причинение действиями ответчика ущерба достоинству и репутации Б. является основанием для взыскания с Г. в пользу истца компенсации морального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась, указав, что выяснение того, было ли обращение в государственные органы обусловлено намерением причинить вред другому лицу, является юридически важным обстоятельством, подлежащим доказыванию и установлению судом.

Соответственно, в том случае, если судом не будет установлено, что обращение в государственные органы было подано с намерением причинить вред дру-

гому лицу, то лицо, обратившееся с таким заявлением в государственные органы, не может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности в порядке статьи 152 ГК РФ независимо от того, что таким обращением лицу были причинены нравственные страдания.

По данному делу суд апелляционной инстанции не установил, могли ли действия ответчика по реализации его конституционного права на обращение в государственные органы служить основанием для привлечения его к гражданско-правовой ответственности, что повлекло за собой вынесение незаконного судебного постановления и отмену его вышестоящим судом <1>.

<1> Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. N18-КГ14-13.

По аналогичным основаниям с вынесением нового судебного акта было отменено и решение суда по иску депутата законодательного органа области А. к средству массовой информации и прокуратуре области о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации причиненного ему морального вреда.

Судом по данному делу было установлено, что на интернет-сайте информационного агентства (учредитель – ответчик) была размещена официальная информация прокуратуры о возбуждении в отношении А. дела об административном правонарушении. В отношении данной публикации пользователями указанного интернет-ресурса был дан ряд негативных комментариев, в которых сообщалось о причастности А. к убийствам, а также об обстоятельствах нарушения им действующего законодательства.

Кроме того, на интернет-сайте информационного агентства было опубликовано официальное сообщение прокуратуры о принятом решении провести проверку по изложенным в комментариях фактам.

Полагая, что указанные в сообщении прокуратуры данные о проведении в отношении истца проверки на предмет причастности к особо тяжким преступлениям изложены в форме утверждения как факты, имевшие место, и соотносят его с подозреваемым по уголовным делам, что не соответствует действительности, А. просил суд обязать ответчиков их опровергнуть, а также компенсировать ему причиненный моральный вред, который он оценил в 10 млн. руб.

Частично удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции исходил из того, что сообщение прокуратуры содержит информацию о проведении в будущем проверки сведений, изложенных анонимными пользователями указанного интернет-сайта. Однако данная информация изложена в некорректной форме, формирующей мнение читателей об истце как о совершившем преступление и нарушившем законодательство.

Не согласившись с выводами суда первой инстанции, судебная коллегия по гражданским делам областного суда указала, что спорная публикация представляет собой лишь информацию о предстоящей проверке прокуратурой сообщений граждан о причастности истца к совершению уголовно наказуемых деяний и не является утверждением о виновности А. в совершении преступлений, а потому не может рассматриваться в качестве распространения порочащих сведений. Сама по себе некорректность формулировки данного сообщения, использование слова «факт» по отношению к непроверенным сведениям пользователей «Интернета» не были оценены как распространение недостоверных, порочащих сведений с учетом того, что оценка буквального значения слов и выражений в тексте сообщения о прове-

дении прокуратурой проверки, результат которой заранее неизвестен, позволяет прийти к выводу об отсутствии в публикации диффамационных признаков.

В целях вынесения законного и обоснованного решения по делам данной категории судам необходимо выяснять, действовало ли лицо, распространившее сведения об истце, добросовестно или официальное обращение было обусловлено намерением причинить вред другому лицу.

Так, городской суд, удовлетворяя исковое заявление А. к М. о защите чести, достоинства и компенсации морального вреда, установил, что ответчик обратилась в городской совет ветеранов с заявлением о том, что истец незаслуженно пользуется льготами, установленными для участников Великой Отечественной войны, поскольку в период немецко-фашистской оккупации отец А. служил полицаем и был расстрелян партизанами. По мнению М., чтобы скрыть связь своего отца с немцами, А. в феврале 1945 года устроилась работать в военно-санитарном поезде, отправленном на фронт.

Разрешая спор, суд указал, что сообщенные ответчиком сведения не доказаны и ничем, кроме ее устных показаний, не подтверждаются. Утверждение М., что направление ею заявления в совет ветеранов имело целью реализацию конституционного права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, суд обоснованно не принял во внимание, сочтя его злоупотреблением правом, поскольку ранее с заявлениями о проверке законности статуса А. как участника Великой Отечественной войны ответчик неоднократно обращалась в военный комиссариат области, в орган социальной защиты населения и получила оттуда обоснованные ответы о статусе истца, подтвержденные ссылками на архивные документы.

Комментарий к п. 9 Обзора

В развитие разъяснения, которое содержится в комментируемом пункте Обзора, можно отметить, что не является распространением порочащих сведений сообщение информации, когда это предусмотрено законом или иным нормативным правовым актом.

Подтверждает данную позицию, в частности, п. 2 Обобщения практики рассмотрения споров, связанных с защитой деловой репутации, утвержденного Президиумом АС Свердловской области 20.04.2007 (далее – Обобщение АС Свердловской области) («Исполнение обязанности по предоставлению информации, возложенной законом, иным правовым актом, органом публичной власти не является распространением порочащих сведений в смысле ст. 152 ГК РФ»).

В приведенном в данном пункте деле описывается следующий случай: общество обратилось в арбитражный суд с иском к изыскательской организации о защите деловой репутации, в котором указывалось на распространение ответчиком порочащих сведений посредством экспертных заключений, переданных главе администрации муниципального образования.

Суд установил, что экспертизы по техническим заключениям истца проводились ответчиком во исполнение обязанностей в качестве базовой территориальной изыскательской организации в соответствии с приказами Министерства строительства и архитектуры области (этими приказами в целях защиты прав и интересов потребителей изыскательской продукции на организации всех форм собственности возлагалась обязанность сдавать технические отчеты (заключения)

по результатам инженерных изысканий ответчику для проведения экспертизы и систематизации материалов изысканий). С учетом того, что, направляя органам местного самоуправления информацию и свои экспертные заключения по отчетам истца, ответчик лишь выполнил возложенную на него органом государственной власти обязанность, суд сделал вывод об отсутствии оснований квалифицировать такие действия как распространение сведений и отказал в удовлетворении иска.

В Обобщении судебной практики «Вопросы защиты деловой репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», подготовленном ФАС Волго-Вятского округа (далее – Обобщение ФАС Волго-Вятского округа), сформулирован еще один значимый для целей настоящего комментария вывод: «Сведения, изложенные в письме с просьбой проверить их достоверность, не могут быть предметом иска о защите деловой репутации».

В деле, раскрывающем данный тезис, предприниматель обратился в арбитражный суд к Министерству промышленности и директору департамента Министерства промышленности с иском о защите деловой репутации. Свои требования предприниматель мотивировал тем, что министерство направило в адрес некоммерческого партнерства (саморегулируемой организации) письмо, в котором содержались сведения, не соответствующие действительности и порочащие деловую репутацию предпринимателя как арбитражного управляющего.

При рассмотрении дела суд установил, что в названном письме содержится обращение к саморегулируемой организации арбитражных управляющих, обладающей правом на проведение проверок деятельности своих членов, провести проверку деятельности конкурсного управляющего (истца) и перечислены вопросы, в отношении которых требовалось проведение проверки. Исходя из того, что указанное письмо представляет собой запрос с просьбой о проверке деятельности предпринимателя, который не содержит указаний на какие-либо факты, суд справедливо счел, что основания для защиты деловой репутации истца отсутствуют.

В то же время нельзя исключать недобросовестность при обращении в органы государственной власти или местного самоуправления – такие обращения могут направляться исходя исключительно из злонамеренных побуждений. В ситуации, когда одно лицо реализует свое право на обращение в государственные органы с заявлением (жалобой) в отношении другого лица, не имея для этого никаких реальных оснований и стремясь исключительно к цели причинить вред («во зло») этому другому лицу, речь идет о злоупотреблении правом в форме шиканы [14, с. 3-10]. К сожалению, такого рода случаи встречаются на практике, но не всегда могут быть выявлены, поскольку установление судом факта злоупотребления правом сопряжено с известными трудностями.

В связи с этим в литературе справедливо отмечается, что о явной необоснованности обращений, а следовательно, о наличии злоупотребления правом со стороны лица, направившего официальное обращение в соответствующий публичный орган, могут свидетельствовать:

- 1) факт неоднократного обращения с одной и той же недостоверной информацией в различные органы;
- 2) обращение в органы, не уполномоченные на проведение проверок по фактам нарушения закона;

3) наличие у ответчика достоверной информации об отсутствии нарушений со стороны истца, в том числе наличие известных ответчику вступивших в законную силу судебных актов, подтверждающих недостоверность распространяемых сведений;

4) направление обращения исключительно из мести [15, с. 96-101].

Очевидно, что предмет доказывания по искам об опровержении сведений, содержащихся в официальных обращениях к органам власти, несколько отличается от общего для дел о защите от диффамации. Помимо факта распространения и порочащего характера сведений на истца ложится обязанность доказать и явную необоснованность обращения, а также наличие у ответчика намерения исключительно причинить вред другому лицу и, следовательно, отсутствие у обращения иных целей [см. п. 6 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о защите деловой репутации в сфере предпринимательской деятельности (одобрен на заседании президиума Семнадцатого арбитражного апелляционного суда 07.12.2007), далее – Обзор Семнадцатого ААС].

10. Средство массовой информации не несет ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию, если оно дословно воспроизвело сообщение, опубликованное другим средством массовой информации, и если не будет доказано, что оно знало или должно было знать о том, что распространяемые сведения не соответствуют действительности.

Вместе с тем средство массовой информации не может быть освобождено от обязанности по опубликованию опровержения недостоверных сведений.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к редакции газеты о защите деловой репутации, в котором просило суд обязать ответчика опровергнуть распространенные им сведения и взыскать с него убытки, вызванные указанными действиями.

Редакция возражала против предъявленных требований со ссылкой на то, что информация, ставшая предметом спорных отношений, была дословным воспроизведением текста статьи, опубликованной другой газетой.

Арбитражный суд в удовлетворении иска отказал со ссылкой на статью 57 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ), согласно которой редакция, главный редактор, журналист не несут ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию организации, если эти сведения являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за данное нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации.

Арбитражный суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменил, иск в части удовлетворил, обязав средство массовой информации опубликовать опровержение распространенных им сведений, и указал следующее.

Распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию, средством массовой информации посредством дословного воспроизведения сообщения, опубликованного другим средством массовой информации, не влечет применение мер ответственности в виде взыскания убытков, причиненных таким распространением (пункт 6 статьи 57 Закона о СМИ).

Вместе с тем редакция журнала не может быть освобождена от обязанности по опубликованию опровержения недостоверных сведений, поскольку опровержение является формой восстановления положения, существовавшего до нарушения права (абзац третий статьи 12 ГК РФ).

Суд также учел, что именно публикация недостоверных сведений ответчиком – редакцией журнала имела широкое распространение в связи с большой популярностью сайта ответчика в регионе, в котором осуществляется хозяйственная деятельность истца, и большой авторитетностью данного электронного СМИ.

Комментарий к п. 10 Обзора

При рассмотрении требований о привлечении СМИ к ответственности за распространение сведений, порочащих деловую репутацию истца, судам необходимо учитывать предусмотренные законом случаи освобождения от ответственности.

При этом подлежат применению положения ст. 57 Закона о СМИ, устанавливающей закрытый перечень оснований для освобождения редакции, главного редактора или журналиста от ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан и организаций, либо ущемляющих права и законные интересы граждан, либо наносящих вред здоровью и (или) развитию детей, либо представляющих собой злоупотребление свободой массовой информации и (или) правами журналиста. Этот перечень включает в себя сведения, которые:

- а) присутствуют в обязательных сообщениях;
- б) получены от информационных агентств;
- в) содержатся в ответе на запрос информации либо в материалах пресс-служб государственных органов, организаций, учреждений, предприятий, органов общественных объединений;
- г) являются дословным воспроизведением фрагментов выступлений народных депутатов на съездах и сессиях Советов народных депутатов, делегатов съездов, конференций, пленумов общественных объединений, а также официальных выступлений должностных лиц государственных органов, организаций и общественных объединений;
- д) содержатся в авторских произведениях, идущих в эфир без предварительной записи, либо в текстах, не подлежащих редактированию в соответствии с настоящим Законом;
- е) являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации (за исключением случаев распространения информации, указанной в ч. 6 ст. 4 Закона о СМИ), которое может быть установлено и привлечено к ответственности за данное нарушение законодательства РФ о средствах массовой информации.

В связи с этим необходимо напомнить, что в п. 12 постановления Пленума ВС РФ № 3 указано следующее: «...содержащийся в статье 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» перечень случаев освобождения от ответственности за распространение недостоверных порочащих сведений является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Например, не может служить основанием для освобождения от ответственности ссылка представителей средств массовой информации на то обстоятельство, что публикация представляет собой рекламный материал. В силу статьи 36 Закона Россий-

ской Федерации «О средствах массовой информации» распространение рекламы в средствах массовой информации осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о рекламе. Согласно пункту 1 статьи 1 Федерального закона от 18 июля 1995 г. № 108-ФЗ «О рекламе» одной из его целей является предотвращение и пресечение ненадлежащей рекламы, способной причинить вред чести, достоинству или деловой репутации граждан. Исходя из этого, если в рекламном материале содержатся не соответствующие действительности порочащие сведения, то к ответственности на основании статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации могут быть привлечены также граждане и организации, представившие данные сведения, если они не докажут, что эти сведения соответствуют действительности. На редакцию средства массовой информации при удовлетворения иска может быть возложена обязанность сообщить о решении суда и в случае, если имеются основания, исключающие ее ответственность.

При применении статьи 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» судам следует учитывать происшедшие с момента принятия Закона изменения в законодательстве Российской Федерации. Исходя из этого пункт 3 части 1 указанной статьи необходимо понимать как относящийся к сведениям, содержащимся в ответе на запрос информации либо в материалах пресс-служб не только государственных органов, но и органов местного самоуправления. Аналогичным образом пункт 4 части 1 данной статьи касается дословного воспроизведения фрагментов выступлений членов выборных органов государственной власти и местного самоуправления».

Таким образом, ограничение (исключение) ответственности того или иного лица за распространение порочащих сведений может иметь место, если оно прямо вытекает из закона.

Обращает на себя внимание факт распространения в судебной практике вывода о том, что наличие в оспариваемых высказываниях «пересказа» свидетельствует об отсутствии возможности привлечения лица к ответственности за диффамацию. Следует отметить, что ни действующее законодательство, ни постановление Пленума ВС РФ № 3 не признают «пересказ» основанием для неприменения ст. 152 ГК РФ. Используемую судами категорию «пересказ бесед» в какой-то степени можно соотнести лишь с ответом на вопросы в рамках интервью, поскольку ст. 39 Закона о СМИ допускает как письменную, так и устную форму журналистского запроса.

Согласно п. 14 постановления Пленума ВС РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» при подготовке статьи на основе интервью средство массовой информации может осуществлять редактирование исходного текста, не допуская при этом искажения его смысла и слов интервьюируемого. Если при воспроизведении сообщений, материалов и их фрагментов в средстве массовой информации в них были внесены какие-либо изменения и комментарии, искажающие смысл высказываний, редакция средства массовой информации, главный редактор, журналист не могут быть освобождены от ответственности на основании пп. 4 и 6 ч. 1 ст. 57 Закона о СМИ (п. 23 постановления Пленума ВС РФ от 15.06.2010 № 16) [6].

В комментируемом пункте Обзора внимание судов обращено на то, что, если СМИ опубликовало недостоверные сведения, которые не носят порочащий характер, положения ст. 57 Закона о СМИ, освобождающие от ответственности, в данном случае не применяются.

11. В том случае, когда невозможно установить лицо, распространившее порочащие сведения, заявление о признании таких сведений не соответствующими действительности рассматривается в порядке особого производства.

Если в ходе судебного разбирательства, осуществляемого в порядке особого производства, будет установлено конкретное лицо, распространившее оспариваемые порочащие сведения, суд оставляет указанное заявление без рассмотрения.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением в порядке главы 27 АПК РФ о признании не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию заявителя сведений, распространенных в сети «Интернет».

Оставляя поданное заявление без движения, арбитражный суд первой инстанции в определении сослался на то, что в заявлении отсутствуют сведения об ответчике, а именно о его наименовании и местонахождении.

Впоследствии определением арбитражного суда первой инстанции заявление возвращено заявителю на основании пункта 4 части 1 статьи 129 АПК РФ в связи с тем, что заявителем не были устранены в срок обстоятельства, послужившие основанием для оставления заявления без движения.

Арбитражный суд апелляционной инстанции отменил названное определение суда первой инстанции, вопрос направил на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Обращаясь в арбитражный суд первой инстанции, общество указывало на невозможность идентифицировать лицо, распространившее сведения в сети «Интернет».

Согласно правовой позиции, изложенной в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», судебная защита чести, достоинства и деловой репутации лица, в отношении которого распространены не соответствующие действительности порочащие сведения, не исключается также в случае, когда невозможно установить лицо, распространившее такие сведения (например, при направлении анонимных писем в адрес граждан и организаций либо распространении сведений в сети «Интернет» лицом, которое невозможно идентифицировать). Такое заявление рассматривается в порядке особого производства.

Таким образом, у арбитражного суда первой инстанции не имелось оснований, предусмотренных пунктом 4 части 1 статьи 129 АПК РФ, для возвращения заявления <1>.

<1> Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 марта 2013 г. по делу № А40-138780/12-19-1171.

В другом деле в ходе судебного разбирательства об установлении факта распространения сведений, которые порочат деловую репутацию заявителя и не соответствуют действительности, к участию в деле привлечено третье лицо, которое подтвердило факт распространения им указанных сведений, но оспаривало их порочащий характер.

Учитывая эти обстоятельства, арбитражный суд первой инстанции на основании пункта 3 части 1 статьи 148 АПК РФ оставил без рассмотрения заявление об установлении факта распространения сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию заявителя, ввиду наличия спора о праве.

Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции указанное определение оставлено без изменения <1>.

<1> См., напр., постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 14 июня 2012 г. по делу № А40-62232/11-12-526.

Комментарий к п. 11 Обзора

Ситуации, когда невозможно установить нарушителя, который является автором и (или) распространителем сведений, порочащих деловую репутацию этого лица, имеют место, например, при направлении анонимных писем в адрес граждан и организаций либо распространении сведений в сети Интернет лицом, которое невозможно идентифицировать.

Внесудебный порядок защиты прав здесь попросту невозможен. Судебный порядок защиты прав ограничивается отсутствием ответчика: в таких случаях на основании п. 6 ст. 152 ГК РФ заинтересованное лицо, чья деловая репутация пострадала, вправе обратиться в суд с требованием о признании не соответствующими действительности сведений, распространенных в отношении него неизвестным лицом. Такое заявление должно рассматриваться в порядке не искового, а **особого производства**.

Эта позиция была сформулирована ВС РФ ранее в определении от 10.12.2013 № 10-КГ13-2: «способом защиты права, предусмотренным пунктом 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, является **опровержение не соответствующих действительности**, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений, а не признание их таковыми. Признание распространенных сведений не соответствующими действительности, порочащими честь и достоинство возможно в ином порядке — в форме особого производства на основании заявления заинтересованного лица лишь в том случае, когда установить лицо, распространившее такие сведения, невозможно (пункт 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (в редакции, действовавшей до 30 сентября 2013 г.) и абзац третий пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»)» (курсив наш. — *М.Р., М.Г.*).

В ситуации, когда при рассмотрении дела выявляется лицо, являющееся автором или распространителем этих сведений, заявление о признании распространенных сведений не соответствующими действительности оставляется без рассмотрения, что не лишает заинтересованное лицо возможности обратиться к нарушителю с соответствующим требованием в порядке искового производства.

12. Ущерб деловой репутации организации может быть причинен распространением порочащих сведений как о самой организации, так и в отношении лиц, входящих в ее органы управления, а также работников этой организации.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к редакции газеты, в котором просило взыскать убытки, причиненные распространением сведений, не соответствующих действительности, и обязать редакцию опубликовать их опровержение. В обоснование своих требований общество указало, что ответчик опубликовал порочащие сведения, не соответствующие деятельности, о лице, занимающем должность единоличного исполнительного органа общества.

Арбитражный суд первой инстанции иск удовлетворил на том основании, что характер сведений, касающихся профессиональной деятельности руководителя организации, влияет на оценку общества как участника гражданского оборота. Следовательно, негативные сведения такого рода приводят к отрицательной оценке деятельности общества и умаляют его деловую репутацию.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, указал, что распространенные сведения не затрагивают общество и поэтому не порочат его деловую репутацию. Кроме того, распространенные сведения не затрагивают деятельность физического лица именно как руководителя общества.

Федеральный суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Определяющим является характер распространенных сведений и их влияние на деловую репутацию юридического лица. Конкретные сведения, порочащие репутацию физического лица – руководителя организации, могут как иметь, так и не иметь негативных последствий для репутации самого юридического лица.

В рассмотренном деле распространенные сведения являются ложными и порочат честь, достоинство и профессиональную репутацию физического лица именно как руководителя организации. Так как единоличный исполнительный орган общества действует от имени общества в гражданском обороте, его репутация неизбежно ассоциируется с репутацией самого общества и непосредственно влияет на сложившуюся в обществе оценку поведения организации, поэтому умаление профессиональной репутации руководителя организации в данном деле привело к умалению деловой репутации самой организации <1>.

<1> Аналогичные выводы содержатся, например, в постановлении Федерального арбитражного суда Центрального округа от 19 декабря 2011 г. по делу № А14-2501/2011.

Комментарий к п. 12 Обзора

В п. 12 Обзора ВАС РФ 1999 года указывалось на недопустимость рассмотрения арбитражным судом требований юридического лица в части защиты деловой репутации его работников.

В комментируемом пункте Обзора ВС РФ заложен совсем иной по смыслу тезис: ущерб деловой репутации организации может быть причинен в случае распространения порочащих сведений как о самой этой организации, так и о входящих в ее органы управления лиц.

На необходимость формирования в судебной практике подобной оценки мы указывали ранее [6], подчеркивая, что в условиях действующего законодательства необходимо дифференцированно подходить к решению вопроса о допустимости защиты деловой репутации лиц, работающих по контракту в коммерческих организациях. Это обусловлено следующим.

Во-первых, трудовые отношения, возникающие между организацией и работником, осуществляющим трудовую функцию, отличаются от отношений между организацией и управляющим (руководителем, менеджером), осуществляющим функцию органа организации.

Во-вторых, очевидно, что деловая репутация коммерческой организации и ее органов взаимообусловлены и взаимозависимы, что представляется важным в связи с высказанной в п. 1 постановления Пленума ВС РФ № 3 позицией о том,

что деловая репутация юридических лиц — одно из условий их успешной деятельности; это позволяет утверждать, что иски о защите деловой репутации подлежат рассмотрению в арбитражном суде, если была опорочена деловая репутация руководителя (управляющего, менеджера) этой организации.

В-третьих, п. 5 ч. 1, ч. 2 ст. 33 АПК РФ устанавливают подведомственность арбитражным судам дел о защите деловой репутации, возникающих в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникло дело, юридические лица, граждане-предприниматели или иные организации и граждане.

С учетом сказанного в арбитражных судах допустимо рассмотрение дел о защите деловой репутации руководителя (менеджера) организации, если речь идет о защите его деловой репутации именно в сфере профессиональных обязанностей (а не частной жизни этого лица). Деловая репутация акционерного общества напрямую зависит от деловой репутации его менеджмента, что позволяет требовать защиты последней в арбитражном суде.

На государственные учреждения и их руководителей данный вывод не может быть распространен, поскольку дела о защите деловой репутации этих учреждений и их руководителей не могут рассматриваться как возникающие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В данном случае можно говорить о защите публичных фигур, под которыми в силу Резолюции 1165 (1998) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность частной жизни понимаются те лица, которые занимают государственную должность и (или) пользуются государственными ресурсами, а также все те, кто играет определенную роль в общественной жизни, будь то в области политики, экономики, искусства, социальной сфере, спорте или в любой иной области [см. об этом Обзор практики рассмотрения судами Российской Федерации дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта // Бюллетень ВС РФ. 2007. № 12].

В силу изложенного безусловной поддержки заслуживает тезис п. 13 Обобщения АС Свердловской области. Этот тезис предусматривает: «Сведения порочащего характера, распространенные в отношении лиц, выполняющих функции органов юридического лица, признаются сведениями, порочащими само юридическое лицо. В этом случае истцом по иску о защите деловой репутации вправе выступать само юридическое лицо и дело подведомственно арбитражному суду».

- В качестве примера к этому тезису приводится дело, в котором общество обратилось с иском к телекомпании о признании не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию истца сведений о возбуждении уголовного дела в отношении директора общества, распространенных в эфире телекомпании, и об обязанности ответчика опровергнуть эти сведения (на том же телеканале в той же программе в том же объеме сообщения).

Суд удовлетворил данный иск. При этом, как подчеркнуто в Обобщении АС Свердловской области, суд исходил из возможности «для организации, в отношении директора (исполнительного органа) которой распространены недостоверные сведения, требовать опровержения этих сведений, так как порочат они не только деловую репутацию директора как профессионального управленца, но и репутацию самой организации, которая занята определенным видом производственной деятельности, и сведения о том, что при осуществлении именно этого вида деятельно-

сти исполнительным органом организации совершено такое общественно опасное деяние, как преступление, не могут не отразиться на деловой репутации юридического лица».

- По другому делу, иллюстрирующему тезис п. 13 Обобщения АС Свердловской области, указано, что телекомпания (ответчик) ссылалась на неподведомственность арбитражному суду дела о защите деловой репутации в связи с тем, что в тексте высказывания речь идет о противоправной деятельности руководства общества, то есть имел место спор между физическими лицами. Это возражение обоснованно признано судом несостоятельным со ссылкой на п. 5 ч. 1, ч. 2 ст. 33 АПК РФ, сделано следующее замечание: «Информация, порочащая руководство организации, порочит деловую репутацию самого юридического лица, поскольку сведения о противоправных действиях исполнительного органа юридического лица подрывают убежденность неопределенного круга лиц в надежности и порядочности данного юридического лица в отношениях с партнерами по предпринимательской деятельности».
- Аналогичный вывод содержится и в п. 2 Обзора Семнадцатого ААС: «Распространение сведений порочащего характера в отношении физического лица в связи с исполнением им обязанностей руководителя юридического лица порочит деловую репутацию самого юридического лица». В качестве примеров в Обобщении приведено несколько дел, где сделан вывод о том, что сведения, порочащие деловую репутацию органов юридического лица, отражаются на деловой репутации самого юридического лица.
- В то же время нельзя не обратить внимания на нюанс, отраженный в Обобщении ФАС Волго-Вятского округа. Отмечено, что само по себе указание в публикации должностных лиц организации не наносит вреда деловой репутации юридического лица. В качестве примера в Обобщении излагается дело, в котором организация обратилась с иском к газете, требуя взыскания компенсации и ссылаясь на то, что в публикации, посвященной банкротству другой организации, упоминаются физические лица и указывается, что они являются руководителями истца. Суд, отклоняя предъявленные требования, подчеркнул, что указание в статье должностей руководителей истца не наносит вреда деловой репутации организации-истца.

13. В случае реорганизации юридического лица с иском о защите его деловой репутации вправе обратиться правопреемник либо учредитель юридического лица.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к телекомпании и акционеру общества о признании сведений, которые распространены ими, не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию.

После принятия судом искового заявления к производству в Единый государственный реестр юридических лиц внесена запись о прекращении деятельности общества путем реорганизации в форме разделения на промышленную группу и инвестиционную компанию.

Инвестиционная компания заявила ходатайство о процессуальном правопреемстве. В обоснование ходатайства компания ссылалась на направленность действий правопреемника на защиту истории создания юридического лица и доброе имя вновь возникшей организации, поскольку в преамбуле устава содержатся сведения о том, что компания является правопреемником общества.

В удовлетворении названного ходатайства арбитражным судом первой инстанции было отказано, с указанием на то, что деловая репутация относится к числу

принадлежащих юридическому лицу нематериальных благ, что исключает возможность перехода этого блага от одного субъекта к другому. В силу своей неотчуждаемости личные нематериальные блага не могут быть объектом правопреемства.

Определением суда первой инстанции производство по делу прекращено, поскольку спорное правоотношение не допускает правопреемства.

Суд апелляционной инстанции определение отменил, произвел замену истца правопреемником, иск удовлетворил, указав, что в данном случае защита деловой репутации реорганизованного общества непосредственно связана с формированием деловой репутации вновь созданных юридических лиц, действующих в той же экономической сфере с использованием активов реорганизованного общества, которые перешли к вновь образованным юридическим лицам в порядке, установленном статьей 58 ГК РФ <1>.

<1> Аналогичная позиция отражена, например, в постановлении Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29 августа 2013 г. по делу № А43-26790/2012.

Комментарий к п. 13 Обзора

Данный пункт комментируемого Обзора помогает решить возникающий на практике вопрос о надлежащем истце по иску о защите деловой репутации в ситуации, когда организация, в отношении которой были распространены порочащие сведения, была реорганизована. ВС РФ указал, что в этом случае надлежащим истцом будет правопреемник или учредитель вновь созданной организации.

14. Распространение ложных сведений о товарном знаке, под которым производится продукция истца, умаляет деловую репутацию истца, хотя бы сам истец не был назван в публикации.

Предприятие обратилось в суд с иском к редакции газеты о защите деловой репутации и опровержении ложных порочащих сведений, распространенных в отношении товарного знака, под которым истец производит питьевую воду. Предприятие ссылалось на то обстоятельство, что оно является правообладателем соответствующего товарного знака и выпускает продукцию под этим знаком.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции указал, что наименование предприятия не упоминается в оспариваемой публикации, следовательно, распространенные сведения не относятся к истцу.

Суд апелляционной инстанции решение отменил, иск удовлетворил по следующим основаниям.

Отсутствие в публикации точного наименования истца не свидетельствует само по себе о том, что высказывание к нему не относится. Вместе с тем простого предположения или субъективного восприятия высказывания как ложного и порочащего недостаточно для обоснования того, что истец был непосредственным объектом критики и (или) что его деловой репутации причинен вред.

Товарный знак представляет собой обозначение, используемое для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, таким образом, он неразрывно связан с лицом, которое производит товары, маркируемые соответствующим знаком. При этом не имеет значения, что конкретный производитель товара может быть неизвестным потребителю, для него имеет значение качество продукции под конкретным товарным знаком.

Таким образом, распространение ложных порочащих сведений о товарном знаке уменьшает деловую репутацию производителя соответствующей продукции, влечет потерю покупательского интереса к его товарам и возникновение у него убытков <1>.

<1> Аналогичная позиция отражена, например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 23 марта 2015 г. по делу № А40–54340/14.

Комментарий к п. 14 Обзора

Из ст. 1477 ГК РФ следует, что под товарным знаком надо понимать «обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей», а под знаком обслуживания — «обозначение, служащее для индивидуализации выполняемых юридическими лицами либо индивидуальными предпринимателями работ или оказываемых ими услуг».

И товарный знак, и знак обслуживания при их использовании выполняют, прежде всего, отличительную (идентифицирующую) функцию. Суть этой функции состоит в том, что товарный знак и знак обслуживания позволяют отличить (выделить, идентифицировать) товар (работы, услуги) одного производителя (продавца, исполнителя), отграничив его от аналогичных товаров других производителей или продавцов, а в отношении работ или услуг — других исполнителей. Отличительная (идентифицирующая) функция — это основная функция товарных знаков и знаков обслуживания.

Утверждая это, можно вспомнить и слова Г. Ф. Шершеневича: «Под именем товарного знака понимается тот знак, которым торговец отмечает свои товары в отличие от товаров других лиц. Этот знак налагается или производителем при выпуске его продуктов, или купцом при переходе продуктов через его руки» [16, с. 345].

Помимо названной основной идентифицирующей функции за товарным знаком иногда признается и эстетическая функция — при условии, что товарный знак используется в качестве элемента оформления упаковки или даже самого товара.

Наряду с указанными товарные знаки и знаки обслуживания выполняют рекламную функцию, которая способствует известности товара (работ, услуг), делая его запоминающимся и узнаваемым потребителями.

По мере узнавания потребителями товаров (работ, услуг) определенного производителя (продавца, исполнителя) и положительной оценки этого товара (работы, услуги) товарный знак и знак обслуживания начинают выполнять информационную функцию. Эта функция позволяет потребителю не только соотносить товар с производителем или продавцом, а если речь идет о работах или услугах — с исполнителем, но больше того, донести до потребителя сведения об уровне качества этого товара (работы, услуги), что позволяет потребителю делать осознанный выбор.

Приобретенная товаром (работами, услугами) определенного производителя (продавца, исполнителя) популярность предопределяет нацеленность этого производителя (продавца, исполнителя) на то, чтобы обеспечивать высокое качество своей продукции (работ или услуг). В этом состоит суть стимулирующей (гарантийной) функции товарного знака и знака обслуживания. Необеспечение необходимого качества товара (работ, услуг) не только дискредитирует сам товарный знак (знак обслуживания), но и лишает товар (работы, услуги)

привлекательности для потребителя, что, соответственно, ведет к снижению продаж.

Сказанное позволяет утверждать, что популярность среди потребителей товарного знака и знака обслуживания является, по сути, зеркальным отражением той общественной оценки, которую получили деятельность самой компании, качество предоставляемого ею товара, работ или услуг, добросовестность компании при исполнении обязанностей и проч., то есть именно те критерии оценки, которые в итоге формируют деловую репутацию. Вследствие этого можно с полной уверенностью говорить о том, что и товарный знак, и знак обслуживания являются зеркалом деловой репутации компании.

Вместе с тем случай, описанный в комментируемом пункте Обзора, весьма редкий. Как правило, ложные сведения распространяются в отношении выпускаемых или реализуемых товаров (работ, услуг) или самого производителя (продавца, исполнителя), но не в отношении товарного знака, идентифицирующего товары (работы, услуги) этого производителя (продавца, исполнителя).

15. Распространение ложной информации о введении процедуры банкротства в отношении юридического лица, наличии у него значительных долгов наносит ущерб его деловой репутации.

Общество обратилось с иском к главе района и редакции газеты о защите деловой репутации и взыскании убытков, сославшись на то, что ответчиками распространены не соответствующие действительности сведения, порочащие деловую репутацию истца и наносящие ущерб взаимоотношениям с партнерами, а также затрагивающие общую деятельность организации в районе. В частности, в публикации отмечалось, что общество находится в состоянии банкротства.

Арбитражный суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал, сославшись на то, что опубликованные сведения не содержат утверждения о нарушении истцом действующего законодательства, деловой этики, обычаев делового оборота или норм морали, то есть не содержат сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию истца.

Арбитражный суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, иск удовлетворил, указав, что информация о нахождении в процедуре банкротства существенным образом снижает заинтересованность участников гражданского оборота в налаживании деловых связей с обществом, в том числе инвестировании средств в принадлежащие ему объекты, поскольку предполагается, что лицо не может самостоятельно погасить имеющуюся у него задолженность. Для существующих контрагентов этого лица такого рода информация может послужить основанием для снижения объемов инвестирования в его деятельность. Следовательно, ложная информация такого рода умаляет деловую репутацию истца и влечет возникновение у него убытков.

Комментарий к п. 15 Обзора

В данном пункте комментируемого Обзора изложен конкретный случай причинения вреда деловой репутации организации – посредством распространения ложной информации о введении в отношении нее процедуры банкротства.

Здесь же следует отметить, что на рассмотрении ЕСПЧ находилось дело, компания-заявитель по которому указывала на то, что ее репутация пострадала в результате возбуждения в отношении нее процедуры банкротства и опубликова-

ния информации об этом в официальном издании [постановление от 13.05.2008 по делу «ООО «СК Эдитура Оризонтури» против Румынии» (SC Editura Orizonturi SRL v. Romania; № 15872/03)]. По результатам рассмотрения дела ЕСПЧ присудил компании возмещение нематериального ущерба в размере 5000 евро, признав, что пострадала и репутация компании, поскольку данные факты негативно повлияли на коммерческий успех компании и ее долговечность в нарушение интересов акционеров и членов руководства компании.

16. В случае, если порочащие сведения, размещенные на сайте в сети «Интернет», признаны судом не соответствующими действительности, владелец сайта или иное управомоченное им лицо, которое размещает информацию на этом сайте, обязаны удалить такие сведения по заявлению потерпевшего.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к администратору сайта в сети «Интернет», на котором была размещена информация, порочащая деловую репутацию общества, о признании этих сведений не соответствующими действительности, об обязанности ответчика удалить эти сведения с сайта и о взыскании убытков, причиненных распространением указанных сведений.

Ответчик ссылался на то, что не может нести ответственность за передаваемую информацию, поскольку не инициирует передачу такой информации, не выбирает получателя информации и не влияет на ее целостность.

Соглашаясь с доводами ответчика, арбитражный суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований. Суд отметил, что при привлечении к ответственности администратора сайта следует учитывать степень его вовлечения в процесс передачи, хранения и обработки информации, возможность контролировать и изменять ее содержание. Администратор сайта не несет ответственность за передаваемую информацию, если он не инициирует ее передачу, не выбирает получателя информации, не влияет на ее целостность.

Арбитражный суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменил, иск в части удовлетворил, обязав ответчика удалить сведения, не соответствующие действительности и порочащие деловую репутацию общества, с сайта в сети «Интернет» по следующим основаниям.

Возложение на лицо, которое имеет техническую возможность без ущерба для своих прав и законных интересов удалять сведения, признанные судом не соответствующими действительности, представляет собой не меру ответственности за виновное правонарушение, а законный способ защиты права, что предполагает возможность обращения потерпевшего в суд за защитой нарушенного права в случае, если администратор сайта отказывается выполнить эту обязанность в добровольном порядке.

Поскольку доказано, что возможности администратора сайта по определению достоверности информации, размещаемой третьими лицами, в настоящем деле объективно ограничены, недобросовестность его действий не доказана, на него не может быть возложена ответственность за отказ удалить соответствующую информацию до принятия судебного решения, которым распространены сведения признаны порочащими и не соответствующими действительности. Это не исключает впоследствии возможности удовлетворить требование потерпевшего о возмещении убытков, причиненных неисполнением такого судебного решения.

Комментарий к п. 16 Обзора

В данном пункте комментируемого Обзора содержится указание на обязанность владельцев сайтов (и уполномоченных ими лиц) удалять с сайтов информацию, которая признана судом порочащей деловую репутацию истца. При этом подчеркивается, что само по себе это действие не является мерой ответственности, но не исключает возможности для заявителя впоследствии предъявить к владельцу сайта требование о возмещении убытков, причиненных размещением этой информации.

Применительно к п. 16 следует напомнить, что ранее КС РФ рассмотрел дело, касающееся размещения диффамационной информации в сети Интернет, основанием которого стала жалоба Е. В. Крылова (постановление от 09.07.2013 № 18-П). В обоснование жалобы заявитель указывал, что в 2009 году на одном из интернет-форумов неизвестный автор разместил фотографии заявителя с собственными комментариями, что стало предметом обсуждения пользователей форума и повлекло публикацию ряда оскорбительных комментариев.

Е. В. Крылов обратился в суд с требованием о признании распространенных неизвестными лицами на сайте в сети Интернет (forum.isurgut.ru) сведений порочащими его честь и достоинство (доброе имя) и не соответствующими действительности. Заявление, рассмотренное в порядке особого производства, было удовлетворено решением суда первой инстанции.

Затем Крылов предъявил иск к администратору доменного имени isurgut.ru (ОАО «Уралсвязьинформ»), требуя удаления упомянутых фотографий и умаляющих его достоинство комментариев, а также компенсации морального вреда за распространение сведений, признанных вступившим в законную силу решением суда не соответствующими действительности. В удовлетворении требования суд первой инстанции отказал, сославшись на то, что авторство и распространение порочащих сведений именно ответчиком не доказаны, обязанность же дать опровержение сведений по правилам ст. 152 ГК РФ возложена на лицо, их распространившее, а кроме того, указанный сайт не зарегистрирован как СМИ. Данное решение оставлено без изменения судом кассационной инстанции; в передаче надзорной жалобы на рассмотрение суда надзорной инстанции заявителю также было отказано.

Рассмотрев представленные материалы и проанализировав нормы действующего законодательства, КС РФ сделал вывод о том, что в законодательстве закреплена возможность правовой защиты от распространения диффамационных сведений, включая распространение их посредством сети Интернет. При этом суд подчеркнул: «Тот факт, что противоправные действия с применением ресурсов сети «Интернет» совершены неизвестным лицом, не отменяет общего принципа, в силу которого ответственность за эти действия несет именно правонарушитель. Однако даже фактическая невозможность в подобных случаях установить и привлечь к ответственности виновное лицо, равно как и отсутствие правовых оснований для привлечения к ответственности владельца соответствующего сайта, не являющегося средством массовой информации, или иного уполномоченного им на размещение информации лица, в качестве способа защиты прав потерпевшего не означает, что эти права не подлежат защите иными способами, такими как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (статья 12 ГК Российской Федерации)».

Резюмируя, КС РФ указал: «...в случае, если порочащие гражданина сведения, размещенные на сайте в сети «Интернет», признаны судом не соответствующими действительности, владелец сайта или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, должны быть обязаны по заявлению потерпевшего такие сведения удалить. Иное фактически означало бы отказ в защите чести и достоинства гражданина, его доброго имени и репутации, притом что способы защиты, предполагающие, например, сохранение на сайте указанной информации и одновременно — размещение опровергающего ее судебного решения, существенно снижают ее эффективность, тем более когда суд констатирует, что установить распространителя порочащих сведений не представляется возможным.

Возложение на владельца сайта или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, обязанности удалить порочащие гражданина сведения представляет собой не меру ответственности за виновное правонарушение, а законный способ защиты права, что предполагает возможность обращения потерпевшего в суд за защитой нарушенного права в случае, если владелец сайта или уполномоченное им лицо отказываются исполнить эту обязанность в добровольном порядке. В случае уклонения от принятия должных мер суд может обязать владельца сайта или уполномоченное им лицо к их совершению, что не исключает и предъявление к ним потерпевшим требований о возмещении убытков и компенсации морального вреда, причиненных неисполнением судебного решения.

Равным образом гражданин, в отношении которого были распространены порочащие сведения на сайте в сети «Интернет», вправе обратиться в суд с требованием об обязании его владельца или уполномоченного лица, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, удалить эти сведения как не соответствующие действительности, что предполагает установление данного обстоятельства непосредственно в ходе рассмотрения искового заявления. Вместе с тем владелец сайта или уполномоченное им лицо — поскольку они объективно ограничены в возможности определять достоверность информации, размещаемой на сайте третьими лицами, притом что возложение на них такой проверки означало бы отступление от конституционных гарантий свободы слова, — не могут быть безусловно обязаны удалять порочащие гражданина сведения, если их недостоверность неоспорна, в частности не установлена судебным решением, а следовательно, в таких случаях до принятия судебного решения на них не может быть возложена и ответственность за отказ удалить соответствующую информацию с сайта, что не исключает применения иных правовых средств, включая меры по обеспечению иска, позволяющих, в частности, приостановить ее распространение до принятия окончательного решения по судебному спору».

Не оспаривая правильность выводов процитированного постановления КС РФ, нельзя не указать на необходимость различать администраторов доменного имени и владельцев сайтов (на что, к сожалению, не обратил внимания КС РФ в своем постановлении).

Администратор доменного имени — это лицо, на чье имя зарегистрировано доменное имя [17, с. 3-16]; владелец сайта или уполномоченное им лицо — это лицо, управляющее контентом (информацией и материалами) на сайте (информационном ресурсе в сети Интернет). Администратор доменного имени может разместить

собственный сайт на доменном имени, права на которое ему принадлежат, либо на договорной основе предоставить это другому лицу, которое станет владельцем сайта, но не доменного имени. Таким образом, вопрос об обязанности удалить информацию со страниц сайта не может быть решен без установления владельца сайта.

17. Не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в процессуальных документах, для обжалования которых предусмотрен иной установленный законом судебный порядок.

Судебная практика исходит из того, что обоснованность заявленного требования о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации в связи с этим морального вреда подлежит проверке и оценке судом при рассмотрении дела по существу.

В некоторых случаях судьи правильно принимали решения об отказе в принятии таких заявлений на основании пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ, если они приходили к выводу, что истцом оспариваются сведения, содержащиеся в процессуальных документах, вынесенных судами по другому делу в ходе уголовного, гражданского или административного судопроизводства, которые не подлежат оценке иначе как в порядке, предусмотренном отраслевым процессуальным законодательством. Соответствие указанных сведений действительности, по смыслу закона и с учетом толкования пункта 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», не может быть проверено в порядке статьи 152 ГК РФ. Если гражданское дело по такому заявлению все же было возбуждено, производство подлежит прекращению в силу абзаца седьмого статьи 220 ГПК РФ.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и прекращая производство, указала следующее.

Как усматривается из поданного А. в суд искового заявления, порочащими его честь, достоинство и деловую репутацию истец посчитал объяснения адвоката, данные при рассмотрении гражданского дела по иску А. к И. о защите чести и достоинства, занесенные в протокол судебного заседания.

В силу статьи 55 ГПК РФ доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов.

Представление доказательств является процессуальной обязанностью сторон (статья 56 ГПК РФ).

Участие в судебном заседании, дача объяснений по делу являются формой доказательств, подлежащих оценке и проверке судом, рассматривающим данное дело. Указанные доказательства при этом не могут быть предметом повторного исследования и опровержения в другом судебном процессе по иску о защите чести и достоинства.

Объяснения адвоката, данные при рассмотрении гражданского дела по иску А. к И. о защите чести и достоинства, по смыслу статьи 68 ГПК РФ, являются источни-

ком получения доказательств, которые проверялись и оценивались судом при рассмотрении указанного дела.

Таким образом, в соответствии с действующим процессуальным законодательством сведения, по поводу которых возник спор, не могут быть оспорены в порядке, предусмотренном статьей 152 ГК РФ, поскольку они были предметом рассмотрения по другому гражданскому делу.

Судом при рассмотрении данного гражданского дела названное обстоятельство принято во внимание не было. Кроме того, суд не учел, что в судебном заседании сторонам предоставляются равные процессуальные возможности по отстаиванию своих прав и законных интересов, включая реальную возможность довести свою позицию до сведения суда, поскольку только при этом условии реализуется право на судебную защиту, которая должна быть справедливой, полной и эффективной <1>.

<1> Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 августа 2011 г. № 58-В11-4.

При исследовании вопроса о характере сообщенных при схожих обстоятельствах сведений и о субъектах их распространения (сообщение суду сведений в судебном заседании лицом в любом процессуальном качестве) суды устанавливают, сообщаются ли они только в отношении участников судебного процесса либо других лиц, которые не участвовали в судебном заседании, являются ли такие сведения доказательствами по этому делу и оценивались ли они при вынесении решения. Если оспариваемые сведения были распространены в ходе рассмотрения дела указанными выше лицами в отношении других лиц, не являющихся участниками судебного процесса, суды правильно исходят из того, что лица, считающие такие сведения не соответствующими действительности и порочащими их честь, достоинство или деловую репутацию, могут защитить свои права в порядке, предусмотренном статьей 152 ГК РФ.

Комментарий к п. 17 Обзора

В судебной практике неоднократно поднимался вопрос о том, признавать ли то или иное действие в качестве распространения сведений о деловой репутации конкретных лиц [6].

Так, в п. 3 Обзора судебной практики Арбитражного суда Республики Коми по спорам, связанным с защитой деловой репутации, одобренного постановлением Президиума АС Республики Коми от 20.12.2007 № 6, указывалось, что обращение лица в арбитражный суд с иском (заявлением, жалобой) является конституционным правом и не может рассматриваться как распространение недостоверных или порочащих противоположную сторону сведений.

В качестве примера было изложено дело, в котором управление Государственного автодорожного надзора обратилось в арбитражный суд с иском к индивидуальному предпринимателю о защите деловой репутации, требуя опровержения недостоверных и порочащих сведений, изложенных ответчиком в апелляционной жалобе по другому делу (в жалобе предприниматель указал, что коррупция в этом управлении достигла невиданных масштабов и, по его информации, отдельные чиновники управления за определенную сумму денег выдавали лицензии на право пассажирских перевозок). Суд отказал в удовлетворении иска со ссылкой на то,

что обращение ответчика в судебный орган является формой реализации его конституционных прав, а апелляционная жалоба, содержащая доводы стороны, имеющие, по ее мнению, отношение к предмету спора, не может расцениваться как распространение порочащих противоположную сторону сведений.

Аналогичный вывод относительно соотношения реализации процессуальных правомочий и диффамации сформулирован и в практике судов общей юрисдикции.

Один из городских судов не признал сведения, содержащиеся в возражениях на кассационную жалобу, «распространенными» по смыслу ст. 152 ГК РФ, поскольку суд, которому были адресованы возражения, не является субъектом гражданско-правовых отношений. Как указал суд в судебном акте, на стадии кассационного производства стороны вправе представлять суду свои доводы, а проверка и оценка сведений, содержащихся в поданной кассационной жалобе и возражениях на жалобу, в соответствии с УПК РФ относится к компетенции суда, рассматривающего кассационную жалобу по делу. Представление в суд возражений на кассационную жалобу является процессуальным правом стороны и не может быть в соответствии со ст. 152 ГК РФ расценено как распространение сведений в гражданско-правовом смысле (апелляционное определение Московского городского суда от 20.03.2013 по делу № 11-3044). Равно как и дача объяснений в качестве стороны, третьего лица, свидетеля, представление доказательств либо сообщение суду сведений в судебном заседании лицом в ином процессуальном качестве по смыслу закона не могут быть признаны «распространением», которое могло бы повлечь обращение с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации в порядке ст. 152 ГК РФ (апелляционное определение Московского городского суда от 06.02.2013 по делу № 11-4179/2013).

То же правило действует и в отношении иных процессуальных документов. Это вытекает из смысла п. 7 постановления Пленума ВС РФ № 3, в той части, которая предусматривает следующее: *«Не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок* (например, не могут быть опровергнуты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации сведения, изложенные в приказе об увольнении, поскольку такой приказ может быть оспорен только в порядке, предусмотренном Трудовым кодексом Российской Федерации) (курсив наш. — *М.Р., М.Г.*)». Противоположный подход привел бы к непрекращающемуся потоку исков о защите деловой репутации, основанных на субъективных и эмоциональных утверждениях участвующих в деле лиц, отраженных в процессуальных документах и состязательных бумагах.

Вместе с тем в комментируемом пункте Обзора ВС РФ акцентирует внимание на ситуации, когда в процессуальных документах содержатся диффамационные сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию лиц, не являющихся участниками процесса. В таких случаях, подчеркивается в данном пункте, лица, чья честь, достоинство или деловая репутация пострадали, могут защищать свои права в порядке ст. 152 ГК РФ.

18. Присуждение денежной компенсации морального вреда по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации должно отвечать цели, для достижения которой установлен данный способ защиты неимущественных прав граждан. Сумма компенсации морального вреда должна отвечать требованиям разумности, справедливости и быть соразмерной последствиям нарушения.

Изучение материалов судебной практики показало, что наиболее распространенным способом защиты личных неимущественных прав граждан является требование о компенсации морального вреда. Исходя из статьи 1100 ГК РФ в случае причинения вреда распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, наличие морального вреда предполагается.

К числу актуальных вопросов, возникающих в судебной практике по делам анализируемой категории, относится вопрос об оценке морального вреда, причиненного гражданину распространением порочащих сведений, с точки зрения определения размера его денежной компенсации.

Гражданское законодательство, предусматривая в качестве способа защиты гражданских прав компенсацию морального вреда, устанавливает общие критерии для определения размера такой компенсации (статьи 151 и 1101 ГК РФ), которые суд применяет с учетом фактических обстоятельств конкретного дела. Использование права на компенсацию морального вреда в иных целях, в частности, для создания ситуации, при которой фактически ограничивается право каждого на свободу выражать свое мнение, включая свободу придерживаться своего мнения, свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей, не допускается (статья 29 Конституции Российской Федерации, статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, статья 10 ГК РФ) и (пункт 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»). При этом подлежащая взысканию сумма компенсации морального вреда должна быть соразмерна причиненному вреду и не вести к ущемлению свободы массовой информации (пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»).

Судебная практика свидетельствует о том, что истцы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, требуя компенсации причиненного им морального вреда, не обосновывали, как правило, заявленную сумму, а ограничивались лишь ссылкой на ухудшение состояния здоровья, душевные волнения и переживания.

В соответствии со статьей 151, пунктом 2 статьи 1101 ГК РФ размер компенсации определяется судом, при этом суд не связан той величиной компенсации, на которой настаивает истец, а исходит из требований разумности, справедливости и соразмерности компенсации последствиям нарушения, то есть из основополагающих принципов, предполагающих баланс интересов, соответствие поведения участников правоотношений принятым в обществе нормам поведения.

Определяя размер подлежащей взысканию с ответчика денежной компенсации морального вреда, суды обычно принимали во внимание характер и содержание спорной публикации, способ и длительность распространения недостоверных сведений, степень их влияния на формирование негативного общественного мнения о лице, которому причинен вред, то, насколько его достоинство, социальное по-

ложение или деловая репутация при этом были затронуты, другие отрицательные для него последствия, а также в некоторых случаях и его индивидуальные особенности (например, возраст и состояние здоровья). Суды учитывали и показатель уровня жизни населения в конкретном регионе – прожиточный минимум в субъекте Российской Федерации.

Причиной уменьшения размера компенсации морального вреда по сравнению с суммами, заявленными в исковых требованиях, как правило, являлось несогласие суда с учетом принципов разумности, справедливости и соразмерности последствиям нарушения с субъективной оценкой истца степени причиненного ему вреда.

Так, суд, удовлетворяя иск гражданина о признании порочащими его честь и достоинство сведений, содержащихся в опубликованной в газете авторской статье, оценивая соразмерность заявленных истцом требований о компенсации морального вреда и взыскании 500 тыс. руб. (с редакции) и 300 тыс. руб. (с автора публикации) последствиям распространения этих сведений, признал необходимым уменьшить размер подлежащей взысканию компенсации до 5 тыс. руб. и до 2 тыс. 500 руб. соответственно.

Снижая сумму компенсации до указанных размеров, суд принял во внимание не являющийся значительным объем тиража печатного издания, где имела место оспариваемая публикация, и пришел к выводу о том, что возмещение в размере, заявленном в иске, несоразмерно причиненному вреду.

Разрешая споры по делам рассматриваемой категории, суды принимали во внимание правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно того, что понимать под разумной суммой такой компенсации.

Прецедентная практика Европейского Суда по правам человека учитывает, что задача расчета размера компенсации является сложной. Она особенно трудна в деле, предметом которого является личное страдание, физическое или нравственное. Не существует стандарта, позволяющего измерить в денежных средствах боль, физическое неудобство и нравственное страдание и тоску. Национальные суды всегда должны в своих решениях приводить достаточные мотивы, оправдывающие ту или иную сумму компенсации морального вреда, присуждаемую заявителю. В противном случае отсутствие мотивов, например, несоразмерно малой суммы компенсации, присужденной заявителю, будет свидетельствовать о том, что суды не рассмотрели надлежащим образом требования заявителя и не смогли действовать в соответствии с принципом адекватного и эффективного устранения нарушения <1>.

<1> Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 марта 2010 г. по делу «Максимов (Maksimov) против России»

В качестве цели присуждения судом компенсации Европейский Суд по правам человека рассматривает возмещение заявителю действительных неблагоприятных последствий нарушения, а не наказание ответчика. В связи с этим неправомерно удовлетворять требования о компенсации ущерба, носящие «карательный», «отягощающий» или «предупредительный» характер. Природа морального вреда такова, что она не поддается точному исчислению. Если установлено причинение такого вреда и суд считает, что необходимо присуждение денежной компенсации, он делает оценку, исходя из принципа справедливости, с учетом стандартов, происходящих из его прецедентной практики <1>.

<1> Практическая инструкция к Регламенту Европейского Суда по правам человека «II. Представление требований о присуждении справедливой компенсации» (пункты 9, 14).

Комментарий к п. 18 Обзора

Исходя из того, что ВС РФ в комментируемом Обзоре ориентирует суды на обращение к практике ЕСПЧ, представляется правильным в качестве комментария к данному пункту обозначить подходы, используемые ЕСПЧ при определении суммы компенсации.

ЕСПЧ признает, что компенсация морального вреда может быть выплачена в возмещение разного рода физических и моральных травм. К ним, в частности, относятся: физическая боль и страдания, вред жизни, психический вред, эмоциональный стресс, чувства разочарования и унижения, чувства тревоги и несправедливости, чувство неопределенности, а также эмоциональные переживания и беспокойство. Сюда же ЕСПЧ относит и вред, причиненный профессиональной репутации; вред доброму имени; вред, причиненный взаимоотношениям, а также нарушение нормального хода частной жизни [см., например, дело «Кобентер и ООО «Штандард ферлагс ГмбХ» против Австрии» (постановление от 02.11.2006) *Kobenter and Standard Verlags GmbH v. Austria*; жалоба № 60899/00), дело «Покис против Литвы» (постановление от 06.10.2010 *Pocius v. Lithuania*; жалоба № 35601/04), дело «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» (постановление от 15.02.2005 *Steel and Morris v. the United Kingdom*; жалоба № 68416/01), дело «Н против Соединенного Королевства» (постановление от 09.06.1988 *N v. the United Kingdom*; жалоба № 9580/81)].

Моральный ущерб, как известно, не поддается математическому исчислению и точному подсчету, поэтому при определении размера нематериального ущерба ЕСПЧ руководствуется соображениями справедливости. Размер и основания выплаты компенсации в каждом конкретном случае зависят от обстоятельств дела и прецедентной практики ЕСПЧ по делам, вынесенным против соответствующего государства-ответчика. То есть уже сложившаяся практика ЕСПЧ при решении вопроса о размере компенсации нематериального ущерба имеет предопределяющее значение.

В отношении доказательств нематериального вреда ЕСПЧ исходит из позиции, что доказывание некоторых его элементов весьма проблематично. В деле «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» (постановление от 28.05.1985 *Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom*; жалобы № 9214/80, 9473/81) Большая Палата ЕСПЧ указала, что нравственные страдания по самой своей природе не могут всегда подтверждаться четкими доказательствами. В деле «Корчагин против России» (постановление от 01.06.2006 *Korchagin v. Russia*; жалоба № 19798/04) ЕСПЧ отметил, что нематериальный вред представляет собой субъективную оценку страданий заявителя, которые тому пришлось претерпеть в результате нарушения его прав, и по своей природе этот вред не может быть установлен достоверными доказательствами.

Вместе с тем в обоснование требования о возмещении компенсации морального вреда необходимо приложить письменные доказательства, подтверждающие причинение лицу физических и психических (нравственных) страданий. Таковыми доказательствами, в частности, могут служить различные медицинские и иные документы: заключение врача о полученной физической или психической травме и необходимом в связи с этим лечении; выписка из медицинской амбулаторной

карты с рекомендациями о необходимом лечении; эпикриз из истории болезни, подтверждающий проведенную операцию или нахождение на лечении в больнице [см., например, дело «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» (постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 Steel and Morris v. the United Kingdom; жалоба № 68416/01), дело «Уолстон против Норвегии (№ 1)» (постановление ЕСПЧ от 03.06.2003 Walston v. Norway (№ 1); жалоба № 37372/97)].

19. В удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. Размер подлежащих возмещению убытков в таком случае определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости, соразмерности и в целях устранения последствий допущенного нарушения.

Фирма обратилась в арбитражный суд с иском к компании о защите деловой репутации путем опровержения распространенных сведений, порочащих деловую репутацию истца, и о взыскании причиненных этим убытков.

Арбитражный суд первой инстанции, признав оспариваемые сведения порочащими деловую репутацию истца и не соответствующими действительности, обязал ответчика их опровергнуть. В удовлетворении требования о возмещении убытков суд отказал, указав на недоказанность их заявленного размера.

Арбитражный суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Арбитражный суд округа, отменяя решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции в части отказа в удовлетворении требования о взыскании убытков и оправляя дело на новое рассмотрение, исходил из следующего.

Объективная сложность доказывания причинно-следственной связи между наличием убытков и распространением ложных и порочащих сведений, равно как и размера убытков, не должна снижать уровень правовой защищенности участников гражданского оборота при доказанности факта нарушения.

Согласно пункту 5 статьи 393 ГК РФ суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков, включая упущенную выгоду, определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства.

По смыслу статей 15 и 393 ГК РФ, при установлении причинной связи между распространением порочащих сведений и убытками необходимо учитывать, в частности, то, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести подобное нарушение.

Ответчик, опровергающий доводы истца относительно причинной связи между своим неправомерным поведением и заявленными к взысканию убытками, вправе представить доказательства существования иной причины возникновения этих убытков.

По данному делу судом первой инстанции установлено, что стороны по делу являются конкурентами на рынке производителей и продавцов продукции в сходном сегменте, распространенные ответчиком сведения порочили деловую репутацию истца и после их распространения несколько постоянных контрагентов фирмы отказались от заключения с ней новых договоров.

В подтверждение обоснованности размера неполученного дохода фирмой представлены годовой бухгалтерский баланс и документы, свидетельствующие о снижении валовой прибыли за соответствующий период после распространения указанных сведений, а также информация о выручке, возможной при обычных условиях оборота, в том числе данные о прибыли фирмы за аналогичный период времени до распространения порочащих сведений. Компания каких-либо доказательств, опровергающих доводы фирмы, не представила.

При таких обстоятельствах отказ во взыскании убытков нельзя признать обоснованным.

Комментарий к п. 19 Обзора

К сожалению, на практике встречаются случаи, когда со ссылкой на невозможность установления точного размера убытков суды отказывали заявителям в защите права. В данном пункте комментируемого Обзора заложен подход, исключающий возможность для суда отказать во взыскании убытков только на этом основании, что представляется совершенно обоснованным.

20. Привлечение лица к административной ответственности за оскорбление (статья 5.61 КоАП РФ) не является основанием для освобождения его от обязанности денежной компенсации причиненного потерпевшему морального вреда в соответствии со статьей 151 ГК РФ.

Как разъяснено в пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением (статья 130 УК РФ, статьи 150, 151 ГК РФ).

В 2011 году статья 130 УК РФ утратила силу, а совершение такого деяния как оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, было декриминализовано и в настоящее время подлежит квалификации по статье 5.61 КоАП РФ.

Имеются случаи, когда суды неправоммерно отказывают гражданам в компенсации морального вреда, причиненного оскорблением, не учитывая при этом, что действия виновного лица, привлеченного к административной ответственности, направлены на унижение личного достоинства человека, посягают на принадлежащие ему нематериальные блага, что порождает у потерпевшего право требовать в связи с этим компенсации морального вреда на основании статьи 151 ГК РФ.

Так, суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска С. к Г. о защите чести и достоинства на основании статьи 152 ГК РФ и компенсации морального вреда. Свое решение суд обосновал тем, что оскорбление нецензурной бранью не может являться распространением сведений, порочащих честь и достоинство истца, поскольку образует состав административного правонарушения в форме оскорбления, что нашло свое подтверждение в постановлении мирового судьи, согласно которому ответчик по данному делу Г. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 5.61 КоАП РФ (оскорбление), и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа.

Апелляционным определением областного суда решение суда первой инстанции в части отказа в компенсации морального вреда отменено и в этой части по делу принято новое решение об удовлетворении указанного требования. При этом судебная коллегия исходила из того, что суд первой инстанции, обоснованно признав невозможность защиты нарушенного права в порядке статьи 152 ГК РФ, не учел, что честь и достоинство (доброе имя) гражданина – нематериальные блага, принадлежащие ему от рождения, которые он имеет право защищать (часть 1 статьи 23 Конституции Российской Федерации). Способом защиты является в том числе и заявление требования о компенсации морального вреда, что предусмотрено статьей 12 ГК РФ.

В соответствии со статьей 151 ГК РФ суд может возложить на нарушителя обязанность компенсации морального вреда, причиненного гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага.

В связи с этим требование С. в части компенсации морального вреда подлежало удовлетворению, поскольку истец ссылался на причинение ему нравственных страданий оскорблениями со стороны ответчика, а факт оскорбления установлен судом первой инстанции и подтвержден имеющимися в деле доказательствами. Принимая решение по делу, суд апелляционной инстанции правомерно указал, что привлечение к административной ответственности само по себе не является основанием для освобождения ответчика от обязанности компенсации морального вреда, причиненного оскорблением в нецензурной форме, в порядке, предусмотренном статьей 151 ГК РФ.

Комментарий к п. 20 Обзора

Отечественное уголовное законодательство гораздо раньше гражданского закрепило ответственность за распространение не соответствующих действительности сведений.

Высказывалось мнение, что «понятие «диффамация» как раз и является в большей мере криминалистическим понятием, под которое подпадает весьма обширная группа различных видов преступлений, имеющих сходство в их криминалистических чертах, в частности в особенностях предмета посягательства, в структуре способа и обстановки их совершения, в типологических особенностях личности правонарушителей» [11].

Действительно, законодательство долгое время причисляло к уголовно наказуемым такие правонарушения, как клевета и оскорбление [6]. Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 129 и 130 УК РФ были признаны утратившими силу (хотя за главой 17 УК РФ «оставили» прежнее наименование – «Преступления против свободы, чести и достоинства личности»), а КоАП РФ был дополнен новыми статьями – ст. 5.60 «Клевета» и ст. 5.61 «Оскорбление».

Это дало правоведам основания для вывода о том, что названные правонарушения (клевета и оскорбление) были декриминализованы и переведены в ряд административных правонарушений [18]. Однако меньше чем через год упомянутая ст. 5.60 («Клевета») КоАП РФ была признана утратившей силу и УК РФ пополнился новой ст. 128¹ «Клевета» (Федеральный закон от 28.07.2012 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Таким образом, на сегодняшний день клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, отнесена к уголовным преступлениям (закон предусматривает для него два вида наказания — штраф или обязательные работы; ст. 128¹ УК РФ). В то же время оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, признается административным правонарушением, наказанием для которого является только штраф (ст. 5.61 КоАП РФ).

В связи с этим следует напомнить, что в разъяснениях, данных в постановлении Пленума ВС РФ № 3, указано следующее: «Если действия лица, распространившего не соответствующие действительности порочащие сведения, содержат признаки преступления, предусмотренного статьей 129 Уголовного кодекса Российской Федерации (клевета), потерпевший вправе обратиться в суд с заявлением о привлечении виновного к уголовной ответственности, а также предъявить иск о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства.

Отказ в возбуждении уголовного дела по статье 129 Уголовного кодекса Российской Федерации, прекращение возбужденного уголовного дела, а также вынесение приговора не исключают возможности предъявления иска о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства» (п. 6).

Таким образом, обращение за защитой от уголовного преступления (клевета) по смыслу приведенного п. 6 постановления не лишает заинтересованных лиц возможности обратиться с гражданско-правовым иском о защите чести и достоинства или деловой репутации. Более того, даже отказ в возбуждении уголовного дела или прекращение возбужденного уголовного дела, а также вынесение приговора не исключают возможности предъявления подобного иска.

Комментируемый пункт Обзора дополняет изложенное указанием на то, что и обращение за защитой от административного правонарушения (оскорбление) не лишает заинтересованных лиц возможности заявить гражданско-правовой иск о защите чести и достоинства или деловой репутации с требованием о компенсации морального вреда.

М. РОЖКОВА,

доктор юридических наук

М. ГЛАЗКОВА,

кандидат юридических наук

Библиографический список

11. Земскова С. И. Криминалистическая характеристика диффамации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 1.
12. Киселев М. В. Психологические аспекты пропаганды // <http://psyfactor.org/propaganda8.htm>
13. Кашкарова И. Н., Макорта Г. А. Свободу слову! Меры по минимизации риска предъявления к СМИ исков о защите чести, достоинства, деловой репутации и их удовлетворения: практические рекомендации и анализ судебной практики // Закон. 2006. № 7.
14. Рожкова М. А. О некоторых вопросах применения статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации // Комментарий судебной практики. Вып. 20 / Под ред. К. Б. Ярошенко. — М.: Контракт, 2015.
15. Бандо М. В. Распространение в официальных обращениях сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10.
16. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. — Тула, 2001.
17. Рожкова М. Обладатель прав на доменное имя: характеристика правовых возможностей // Хозяйство и право. 2015. № 12.
18. Новое в Уголовном кодексе / Под ред. А. И. Чучаева. Вып. 2. — М.: Контракт, 2012.